

18+

Вячеслав Григорюк

Пуля для капитана

Данил Осокин — 4

Вячеслав Григорюк
Пуля для капитана.
Данил Осокин — 4

<https://litres.ru/74306269>

ISBN 9785007085618

Аннотация

Капитан Данил Осокин оказывается втянут в расследование, которое разрушает привычные представления о законе, справедливости и человеческой верности. След приводит к преступлениям прошлого, а главный противник оказывается тем, кому он доверял больше всего. Каждый шаг приближает Осокина к выбору, где нет правильного решения. «Пуля для капитана» — напряжённый детектив с элементами нуара и эмоциональный финал истории о капитане Даниле Осокине.

Содержание

Пуля для капитана. Осокин. Финал	5
Книга 1. Бизнесмен	6
1	6
2	17
3	43
4	69
5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Пуля для капитана Данил Осокин — 4

Вячеслав Григорюк

© Вячеслав Григорюк, 2026

ISBN 978-5-0070-8561-8 (т. 4)

ISBN 978-5-0053-3684-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пуля для капитана. Осокин. Финал

Книга 1. Бизнесмен

1

Подъезд пах сыростью. Старые кирпичные стены в потёках, почтовые ящики с вмятинами. Лампочки на этажах горели тусклым дрожащим светом.

Осокин поднялся без лифта. Ступени были стёрты по центру. Перила холодные. В теле тяжесть. В висках глухо пульсировало. Вчерашний алкоголь не вышел. Кровь шла густо, с ленцой. Пили за генеральские погоны Федотова. Капитан старался не морщиться, скрывая признаки похмелья.

На площадке третьего этажа стояли двое в форме. Дверь квартиры распахнута. Лента натянута криво. Изнутри тянуло чем-то сладким, тяжёлым. Осокин на ходу достал перчатки, натянул одну, потом вторую. Резина щёлкнула по коже.

Генерал Федотов, одетый в гражданское, стоял у стены. Смотрел без выражения. Он ничего не спрашивал. Кивнул Осокину. Данил понял, начальник тоже страдает.

— Внутри кто? — спросил Осокин.

— Опергруппа на месте. Эксперт едет, — ответил дежурный.

Осокин кивнул и вошёл.

Небольшая прихожая. Узкий коридор, старый линолеум.

Федотов вошёл следом, встал в дверях.

— Что скажешь? — спросил он.

— Кто вызвал? — спросил Осокин.

— Соседка сверху. Спускалась, увидела открытую дверь.

Зашла, а там..., — генерал жестом попросил Осокина пройти в комнату.

Гостиная оказалась больше, чем представлялась из коридора. Потолок высокий, лепнина местами осыпалась. Шторы плотные, пыльные. Одна лампа под потолком перегорела, свет шёл только от окна и переносного фонаря у стены.

В воздухе стоял запах пороха и старой мебели.

— Толстов, хозяин концерна «СтройРесурс», — рукой показал Федотов.

— И что он здесь забыл? — спросил Осокин.

Капитану никто ответ не дал.

Толстов лежал у дальней стены, на спине. Пиджак расстёгнут. Руки слегка раскинуты, ладони вверх. Поза неестественная, но без судорожного напряжения. Лицо перекошено, губы приоткрыты. Глаза смотрели в потолок, стеклянные.

На груди, чуть сбоку от центра, тёмное отверстие. Ткань вокруг аккуратно разошлась. Кровь не растеклась широко. Пятно ровное, почти правильной формы. Края чистые. Слишком чистые.

Осокин остановился в двух шагах. Взгляд скользнул по полу, по стене за телом, по потолку. Следов рикошета нет. Пули на виду нет.

Он присел, не касаясь тела. Осмотрел ворот рубашки, манжеты. Никаких следов борьбы. Ногти чистые. Часы на левой руке. Кольцо на пальце. Золотое, тяжёлое.

— Кошелёк? — спросил он.

— В кармане. Деньги на месте, — ответил оперативник у окна.

Осокин кивнул.

На диване лежала смятая подушка. Ткань продавлена, будто кто-то сидел или опирался коленом. Рядом — плед, сброшенный на пол. Под столиком валялась фоторамка. Стекло выбито. Снимок частично выскочил.

Осокин поднял его за край. Женщина и мужчина. Стоят близко. Улыбаются в камеру. Лица неясные из-за трещины, прошедшей по стеклу. Он задержал взгляд на мужчине. Раньше его не видел. А вот женщина... В ней было что-то знакомое.

— Родственники? — спросил он.

— Пока не установили, — ответил тот же голос.

Осокин положил снимок обратно, но не в рамку. Отдельно.

Он ещё раз посмотрел на тело. На аккуратное пятно крови. На чистый пол вокруг.

— Гильза? — спросил он.

— Не нашли.

Осокин поднялся. Прошёл по комнате медленно, считая шаги. Вещи на полках стояли ровно. Техника на месте.

Никаких вывернутых ящиков. Никаких следов спешки.

— Ограбления нет, — сказал он.

Федотов, стоявший в дверях, едва заметно кивнул.

Осокин посмотрел на подушку, потом на грудь убитого.

— Стреляли близко. Без шума не обошлось. Соседи что слышали?

— Ничего. Никто не признался.

Осокин задержал взгляд на окне. Рама закрыта. Ручка внизу.

Он достал блокнот. Криво вывел: *Толстов. Выстрел один. Чистая работа.*

Чернила легли неровно. Слова — чётко.

Он закрыл блокнот и снова посмотрел на тело. Здесь не искали деньги. Здесь приходили за человеком.

— Уже натоптали! — Осокин услышал знакомый голос.

Прибыла Даша, эксперт. Вошла в комнату. Кивнула присутствующим. В руках держала свой фирменный чемоданчик с необходимыми принадлежностями. Из кармана халата вытащила пару перчаток.

— Так, все ко мне подойдите, — попросила она. — Хочу осмотреть протекторы обуви... Ну?!

Первым подошел Осокин. Задрал левую ногу.

— Хорошо, — кивнула Даша.

За капитаном подошел оперативники, следом за ними дежурный. Генерал был последним.

— Странно, — сказала Даша. И вышла в прихожую. По-

просила оперативника сфотографировать след. — Видишь след от ботинка? — спросила она у подошедшего Осокина. — Похож на военные берцы...

В пороге двери виднелся бледный пыльный след. Осокин сразу узнал эту форму протектора.

— Как в предыдущем деле, — сказал капитан. — Только не говори...

— Подражатель? — перебила Даша. — Неудивительно. Дело-то Егеря было громким.

Осокин чуть заметно кивнул. Да, помотал их отдел Герасимов. Неделя прошла, как полностью закрыли дело, а общественность все еще будоражит это событие.

Капитан вытащил блокнот. Записал: *Вход в квартиру. След от армейского ботинка. Егерь?*

Даша полезла в свой чемоданчик. Вытащила диктофон. Заметила недоуменный взгляд Осокина. Приложила палец к губам, мол «Молчи» и начала диктовать:

— Шестое сентября, восемь часов две минуты утра. Северо-восток Москвы, спальный район. Старая пятиэтажка, — и в таком же сухом деловом стиле стала описывать прихожую.

После переместилась в комнату, попутно отмечая все детали. Остановилась возле тела Толстова. Присела на корточки:

— Труп мужчины. Возраст — сорок пять-пятьдесят лет. На груди, в области сердца, входное отверстие от одного ог-

нестрельного ранения. Стреляли в упор. Калибр — девять миллиметров. Крови мало. На одежде возле раны следы пороха. Рядом с трупом гильза не обнаружена.

Дальше ее взгляд скользнул вокруг тела и застыл на ковре. Даша поставила диктофон на паузу.

— Данил, — обратилась она к капитану, — видишь? Вмятина на ворсе. Свежая. Тут что-то стояло. Сумка, чемодан или кейс.

Осокин кивнул. Если ворс ковра еще не выпрямился, значит, убийца ушел не больше часа, максимум полутора часов назад.

Даша продолжила запись.

— На диване лежит смятая подушка, вмятина точно посередине. Возможно, подушку использовали в качестве удушающего предмета, — Даша аккуратным движением подняла подушку. — Других видимых следов на подушке нет, — она замолчала на несколько секунд, придиричивым взглядом осматривая комнату. — На подоконнике следы пепла, — она поставила диктофон на паузу.

Данил встал рядом с ней.

— Его тут слишком мало, — Даша изучала подоконник. — Скорее всего, сигарета. Но я не уверена, — она повернулась к капитану. — Такое чувство, что квартиру убрали. Действовал кто-то опытный и знал прекрасно методы работы экспертов.

Данил смотрел на нее не моргая.

— Точечные, чуть заметные улики, — объяснила Даша.
— Тусклый, чуть заметный след в прихожей. Мятая подушка, которую, скорее всего, просто забыли взбить, чтоб придать нормальную ей форму. Какие-то крупички пепла. Вмятина на ковре. Я уверена, если я всю квартиру порошком насыплю, найду только его отпечатки, — она взглядом показала в сторону покойника.

Капитан кивнул.

Даша пошла на кухню.

— Интересно, — буркнула она.

На кухонном столе стояла открытая бутылка коньяка и один невысокий широкий стакан. Второй такой же стакан валялся треснувшим на полу. Под столом были следы от разлитого коньяка. Отчетливо ощущался запах спирта.

Осокин встал в проеме двери, чтобы не мешать эксперту.

Даша достала из своего чемоданчика кисточку и порошок. Протерла бутылку, стаканы, небольшой пяточок стола. Потом достала ультрафиолетовый фонарик. Посветила им на предметы.

Отчетливо выступили следы губ и пальцев на треснувшем стакане и открытой бутылке. Рядом с бутылкой след от удара лбом. Целый стакан оказался чистым.

— Так я и думала, — сказала Даша. — Только его отпечатки, — она повернулась к Осокину. — Бутылку на экспертизу, разбитый стакан тоже. Скорее всего, какое-нибудь снотворное подсыпали в коньяк.

Капитан прошелся взглядом по кухне.

Следов явной борьбы нет. Скорее всего, Толстов сделал глоток коньяка и тут же вырубился, приложившись лбом об стол. Потом его поволокли в комнату, придушили подушкой и для верности сделали контрольный выстрел... в сердце. Что весьма логично, если стреляли бы в голову... Осокина замутило от представившейся картины.

«Нельзя на место преступления приезжать с похмелья, — в очередной раз напомнил он себе. — И не важно, что это был за повод. Собственное повышение или новые погоны начальника».

Осокин еще посмотрел путь от кухни до комнаты. Рядом с дверным косяком лежал одинокий короткий черный волос.

Капитан перевел взгляд на мертвое тело. Толстов был практически лысым, а то, что опоясывало его круглое темечко, не было черного цвета.

— Даша, — позвал Осокин. — Чей-то волос, — показал пальцем на свою находку.

Даша полезла в карманы халата. Вытащила оттуда пинцет и маленький пакетик с застежкой. Отточенными движениями подняла волос с пола и положила его в пакетик. Повернулась к свету и поглядела на улику.

— Похож на ресницу, — сказала она.

— Или лобковой, — зачем-то ляпнул Осокин.

Глаза Даши выражали только одну мысль — «Ну ты дебил, товарищ капитан». Осокин выдержал этот взгляд.

— Ну, что скажете? — к ним подошел Федотов.

— Убийство спланировано, — начал капитан. — Убийца действовал хладнокровно и четко. Знал, что делает. Все подготовлено заранее. Улик толком нет.

— Киллер? — предположил генерал.

— Вряд ли. Тут нет чего-то показного. Нет какого-то послания... Не знаю, — капитан задумался. — Тот, кто душил и потом стрелял, как будто знает все наши методы работы.

— А след обуви? — Федотов кивнул в стороны входной двери.

Осокин лишь пожал плечами:

— Подождем, что скажут эксперты.

Федотов молча согласился.

— Как закончишь тут, зайдешь в мой кабинет, предварительную версию расскажешь, — после минутной паузы сказал генерал. — Я поехал в участок, — и не прощаясь, вышел из квартиры.

Осокин снял перчатки.

Головная боль усилилась. Это — явный признак предстоящего сложного дела.

Он вышел на лестничную площадку. Встал между этажами.

Сквозь пыльное стекло видел у подъезда две полицейские машины и фургон «скорой помощи». «Спецбригада труповозов», — про себя называл их Осокин.

Из фургона вышли двое рослых мужчин в медицинских

халатах. Открыли задние двери, вытащили из салона носилки. С носилками зашли в подъезд.

Осокин поднялся к квартире. Встал чуть в стороне от двери.

По подъезду разносилась тяжелая поступь медиков.

— Где? — после короткого кивка капитану, спросил один из них.

— Как зайдете, направо в комнату, — ответил Осокин.

Мигрень усиливалась. И это уже было не похмелье. Нет. Тут было что-то большее. Предчувствие. Дело растянется на несколько месяцев, может, на несколько лет. Слишком мало улик. Слишком чистое убийство.

«Кто-то нарочно оставил эти следы. И знал, что работать в этом районе будет наш отдел», — Осокин спускался к выходу из дома. — «Знает нас... И еще этот след у входа. Не может быть, чтобы его просто упустили. Нет... Это послание...»

— Я предварительный осмотр закончила, — оторвала капитана от размышлений Даша. Осокин не заметил, как она подошла. — Здесь нужна бригада криминалистов, — она потянула его за рукав, чтобы пропустить медиков с носилками. — Они все досконально изучат. Я поеду в морг, — Даша кивнула на фургон, — буду делать вскрытие.

— Как долго будешь готовить отчет?

— День, максимум, полтора... Увидимся в отделе, — Даша поспешила к медикам. Она остановилась. — Кстати,

дверь не взломана была, — добавила она и через боковую дверь села в фургон.

— Его ждали, — сказал себе под нос Осокин. Голова гудела, как тепловоз. — Всё так стерильно, как будто работал мент, — пришел к выводу капитан.

Обед давно прошёл.

За окном серело. Свет в кабинете не включали. Хватало тусклого неба за стеклом и настольной лампы, которая освещала край стола. Всё остальное тонуло в полумраке.

Осокин сидел над материалами по Толстову.

Перед ним лежали фотографии квартиры. Тело у стены. Смятая подушка на диване. Разбитая рамка. Аккуратное пулевое отверстие. Несколько страниц с показаниями соседей.

Он перелистнул очередной лист. Ничего нового. Те же факты. Те же вопросы. Кто привел Толстова в эту квартиру? Почему он не сопротивлялся? Почему убийца не забрал ничего ценного?

Осокин взял карандаш и сделал пометку на полях. Потом перечеркнул её. Мысль оказалась пустой.

Он откинулся на спинку кресла. Шея затекла. В висках пульсировала тупая боль. Последствия вчерашнего вечера никуда не делись. Горечь во рту напоминала о себе каждый раз, когда он делал глоток давно остывшего кофе.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то ушёл домой. Потом наступила тишина.

Осокин машинально посмотрел на часы. Стрелки показывали начало третьего. Он нахмурился. Взгляд задержался на циферблате дольше обычного. Что-то было не так. Он не

сразу понял, что именно. Потом положил карандаш.

Гашаков.

За весь день тот ни разу не появился.

Осокин потянулся к телефону. Набрал знакомый номер. Гудок. Ещё один. Потом связь оборвалась. Никакого ответа.

Осокин посмотрел на экран. Подождал несколько секунд. Набрал снова. Гудки повторились. Длинные. Пустые. После пятого звонка линия оборвалась.

Он убрал телефон.

Снова посмотрел на материалы дела.

Потом опять взял трубку. Третий звонок. Тот же результат.

Теперь чувство тревоги оформилось окончательно.

Гашаков мог опоздать. Мог забыть отзвониться. Мог уйти в запой после праздника. Но исчезнуть полностью — нет. За пару лет совместной работы такого не случалось ни разу.

Осокин вспомнил ресторан. Большой зал. Музыку. Голоса. Тосты. Новые генеральские погоны Федотова. Столы, заставленные бутылками. Гашаков тогда сидел рядом. Почти не пил. Больше ковырял вилкой закуску и смотрел по сторонам. Когда начались танцы и очередной тост, он поднялся первым. Сказал, что поедет домой. Осокин даже не запомнил, попрощался тот или нет. После этого они не разговаривали.

Он посмотрел на экран телефона. Никаких сообщений, никаких пропущенных вызовов. Ничего. Только время.

Осокин поднялся. Подошёл к окну. Внизу стояли несколько машин сотрудников. Остальные давно разъехались. Двор пустел. Ветер гонял по асфальту обрывки бумаги. На втором этаже горело окно дежурной части. Больше света в здании почти не осталось.

Осокин вернулся к столу.

Открыл журнал вызовов.

Последний разговор с Гашаковым состоялся вчера вечером. Короткий. Меньше минуты. Обычная рабочая фраза. Ничего такого, что можно было бы вспомнить сейчас.

Он снова набрал номер.

Телефон молчал.

Осокин медленно положил трубку.

Сел.

Посмотрел на фотографию Толстова. Но видел уже не её. Перед глазами стояло лицо напарника. Усталое. Вечно небритое. С неизменной усмешкой. Гашаков всегда что-нибудь говорил. Ворчал. Спорил. Заполнял пространство голосом. Сейчас вокруг стояла тишина. И именно она начинала раздражать.

Осокин открыл блокнот. Полистал несколько страниц. Нашёл чистый лист. Написал: «*Гашаков. Нет связи с вечера.*» Почерк получился ещё хуже обычного. Он посмотрел на запись. Закрыл блокнот.

В кабинете стало душно.

Потёр переносицу.

Мысли возвращались к одному и тому же.

Если бы что-то случилось, сообщили бы. Больница. ДТП. Задержание. Любая служба дала бы информацию. Но никто ничего не сообщал. Словно человек просто исчез.

Эта мысль ему не понравилась.

Он поднялся и вышел в коридор. Дежурный сидел за стойкой и заполнял журнал. Увидев Осокина, поднял голову.

— Гашакова сегодня видел? — спросил Осокин.

— Нет, товарищ капитан.

— Не звонил?

— Нет.

Осокин несколько секунд смотрел на него. Потом кивнул.

— Если объявится, сообщи.

— Понял.

Он вернулся в кабинет.

Собрал бумаги по Толстову в папку. Выключил лампу. Комната сразу стала чужой. Тени расплзлись по стенам. Фотографии исчезли во мраке. Остался только свет из коридора.

Осокин взял ключи со стола. Телефон убрал в карман. Куртку накинул на плечи. Перед выходом ещё раз посмотрел на экран. Пусто. Никаких сообщений. Никаких звонков.

Он задержался на секунду. Словно ожидал, что аппарат оживёт именно сейчас. Но экран оставался тёмным.

Осокин убрал телефон.

Запер кабинет. Ключ повернулся в замке с сухим щелч-

ком. Коридор встретил его пустотой. Где-то далеко работал вентилятор.

Из дежурной части доносился шелест бумаги. Обычные ночные звуки отдела.

Осокин прошёл к лестнице. Спустился вниз. На улице пахло сыростью и бензином.

Где-то завывала сирена.

Осокин сел за руль служебной машины. Положил на него руки. Несколько секунд сидел неподвижно. Настраивался. Потом завёл двигатель. В голове уже не было Толстова. Не было фотографий из квартиры. Не было разбитой рамки и аккуратного пулевого отверстия. Остался только один вопрос.

Куда делся Гашаков?

Машина выехала со стоянки. Осокин повернул в сторону дома напарника. Он хотел убедиться в простом. Что Гашаков сейчас откроет дверь, выругается за визит и скажет, что у него сел телефон.

Но тревога внутри подсказывала другое. Что-то произошло.

И это началось еще вчера ночью.

Двор возле дома Гашакова оказался почти пустым. У подъезда стояла старая «Лада», покрытая слоем грязи. Рядом темнели мусорные баки. От них тянуло сыростью и гнилью.

Осокин заглушил двигатель. Несколько секунд сидел

неподвижно. Потом вышел из машины и посмотрел на окна.

На пятом этаже горел свет, хоть и на улице было достаточно светло. Где-то работал телевизор. Обычная жизнь. Слишком обычная для человека, который перестал отвечать на звонки.

Он поднялся по ступеням. Металлическая дверь подъезда открылась с тяжёлым скрипом. Внутри пахло старой краской, пылью и кошачьим кормом. Лампочка под потолком мигала. Стены покрывали потёки и облупленные пятна. В углу валялась пустая бутылка. Осокин начал подниматься пешком.

Лифт не работал.

На каждом пролёте стояла одна и та же тишина. Только шаги отдавались эхом в бетонной коробке.

Возле квартиры Гашакова он остановился. Посмотрел на дверь. Ничего необычного. Та же коричневая обивка. Тот же номер. Тот же коврик под ногами.

Осокин нажал кнопку звонка. За дверью раздалась короткая трель. Потом всё стихло.

Он подождал.

Снова нажал.

Никакого ответа. Ни шагов. Ни голоса. Ни движения.

Осокин постучал костяшками пальцев.

Глухо. Словно квартира была пустой.

Он постучал ещё раз. Сильнее.

Ответа не последовало.

Тишина начинала давить.

Осокин сделал шаг назад. В этот момент рядом щёлкнул замок. Дверь соседней квартиры приоткрылась на ладонь. Из темноты выглянуло лицо пожилой женщины. Седые волосы были собраны в пучок. На плечах висел старый халат.

Женщина посмотрела на Осокина с осторожностью. Потом заметила удостоверение в его руке.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Проверяю одного человека, — ответил Осокин.

Женщина кивнула в сторону двери Гашакова.

— Капитана вашего что-то не видно... — Она замолчала. Потом нахмурилась. — Вчера вроде домой пришёл.

Осокин посмотрел на неё.

— Вы его видели?

— Видела.

— Во сколько?

Женщина задумалась.

— Поздно. Уже темно было.

— Один?

— Один.

— После этого выходил?

— Не знаю, — она покачала головой. — Я телевизор смотрела.

Осокин кивнул. Этого было мало. Слишком мало. Но слова женщины подтверждали главное. Гашаков до квартиры добрался. Исчезновение началось уже после.

Соседка ещё несколько секунд наблюдала за ним. Потом спросила:

— Что-нибудь серьёзное?

— Пока не знаю, — ответил Осокин.

Женщина закрыла дверь. Замок щёлкнул. Снова наступила тишина.

Осокин остался один на площадке.

Он ещё раз посмотрел на дверь квартиры. Что-то цепляло взгляд. Всё выглядело слишком спокойно. Слишком аккуратно.

Он сунул руку в карман куртки. Достал связку ключей. Металл тихо звякнул. Осокин несколько секунд смотрел на неё. Ключи принадлежали Гашакову. Тот оставил их вчера в отделе. Обычная связка с потёртым брелоком в виде футбольного мяча.

Осокин вспомнил этот момент.

После праздника сотрудники расходились по домам. На столе возле компьютера остались лежать ключи. Он тогда подумал, что Гашаков просто забыл их в спешке. Хотел вернуть утром. Но утра не случилось.

Теперь связка лежала у него в руке. Слишком вовремя. Слишком удобно. Словно напарник заранее знал, что Данил окажется здесь. Эта мысль не понравилась Осокину.

Он перебрал ключи. Выбрал нужный. Вставил в замочную скважину. Металл вошёл мягко. Без усилия.

Осокин замер. Прислушался. За дверью стояла тишина.

Потом медленно повернул ключ.

Раздался щелчок. Один. Второй. Замок открылся. Без сопротивления. Без повреждений. Без следов взлома. Кто бы ни был внутри квартиры последним, дверь он закрывал спокойно.

Осокин взялся за ручку. Холодный металл лёг в ладонь. На лестничной площадке мигнула лампа. Тени качнулись по стенам. Осокин почувствовал знакомое ощущение. То самое, которое появлялось перед входом на место преступления. Когда фактов ещё нет. Когда ответы скрыты за дверью. Но уже ясно, что обычным разговором дело не закончится.

Он медленно нажал ручку.

Дверь без скрипа начала открываться внутрь квартиры.

Осокин вошёл в квартиру и остановился на пороге. Несколько секунд стоял неподвижно.

Слушал.

Тишина.

Не тишина пустого дома. Другая. Глухая. Настороженная. Словно квартира давно ждала именно этого визита.

Он закрыл дверь за спиной. Щёлкнул замок. Звук получился громким. Слишком громким для пустых комнат.

В прихожей горел тусклый ночник. Жёлтый свет падал на стены и старый линолеум. Воздух был тяжёлым. Пахло табаком и спиртом.

Осокин разулся. Надел новые перчатки. Только после этого сделал первый шаг вперёд.

На полу стояли ботинки Гашакова. Чистые. Поставленные носками к двери. Рядом лежала куртка. Не брошенная. Аккуратно сложенная. Будто хозяин собирался надеть её через несколько минут.

Осокин присел. Осмотрел карманы. Пусто. Ни чеков. Ни записок. Ни мелочи.

Он поднялся. Посмотрел дальше. В прихожей царил порядок. Станный порядок. Не домашний. Скорее гостиничный. словно человек уже собрал вещи и вычеркнул себя из собственной жизни.

Осокин прошёл в кухню.

Свет то появлялся, то исчезал. На столе стояла бутылка коньяка. Почти пустая. На дне выпивки осталось не больше, чем на два пальца. Рядом находились два стакана. Один стоял возле края стола. Второй — напротив бутылки.

Осокин наклонился. Фонариком посветил на стекло. На ободке второго стакана сохранился след губной помады. Тонкая розовая линия. Едва заметная. Он долго смотрел на неё.

Гашаков жил один. По крайней мере официально. Осокин никогда не видел рядом с ним постоянной женщины. Случайные знакомства случались. Но домой напарник почти никого не приводил. Так говорил сам.

Осокин перевёл взгляд на бутылку. Потом снова на стакан. Кто-то сидел здесь. Совсем недавно. Пил с Гашаковым. Разговаривал. Возможно, видел его последним.

Он достал блокнот. Открыл чистую страницу: «Женщина. Коньяк. Перед исчезновением.» Строка получилась кривой.

Осокин закрыл блокнот.

На краю стола стояла самодельная пепельница. Обычная стеклянная банка из-под огурцов. Внутри лежали окурки. Четыре штуки. Тонкие сигареты. Не мужские.

Осокин ручкой перевернул один окурочок. На фильтре остался след помады.

Он проверил второй. Третий. Четвёртый. Тот же результат.

Все сигареты принадлежали одной женщине.

Гашаков не курил. Бросил много лет назад. Осокин помнил это хорошо. Каждый раз, когда кто-нибудь закуривал, Гашаков морщился. Теперь же на его кухне лежали четыре окурка. И все были оставлены одной гостьей. Он аккуратно сфотографировал находку.

После чего открыл холодильник. Дверца скрипнула. Внутри оказалось почти пусто. Половина булки хлеба. Консервная банка. Полупустая бутылка минералки. Больше ничего.

Осокин нахмурился. На человека, который собирался жить здесь дальше, это было не похоже. Слишком мало продуктов. Слишком мало следов обычной жизни.

Он закрыл холодильник.

Снова посмотрел вокруг.

Что-то не давало покоя.

Не отсутствие беспорядка. Наоборот. Его избыток. Каж-

дая вещь лежала на своём месте. Каждая поверхность выглядела очищенной. Даже фотографии отсутствовали. На стенах оставались только светлые прямоугольники. Следы рамок, которые сняли. Причём недавно. Пыль вокруг ещё не успела осесть.

Осокин подошёл ближе. Провёл пальцем по стене. Чисто. Слишком чисто. Он начал открывать ящики. Один за другим. Пусто. Пусто. Почти пусто. Остались только вещи, которые ничего не значили. Словно кто-то целенаправленно удалял память о человеке.

Осокин остановился возле окна. Во дворе уже светил фонарь. Внизу кто-то выгуливал собаку. Жизнь продолжалась. Обычная жизнь.

Но здесь, в квартире Гашакова, что-то закончилось.

Он ещё раз медленно обвёл взглядом кухню.

Теперь картина складывалась иначе.

Не похищение. Не внезапный уход. Подготовка. Спокойная, продуманная, холодная. Кто-то убрал всё лишнее. Кто-то позаботился о том, чтобы после исчезновения осталось как можно меньше следов.

Осокин почувствовал неприятное напряжение в груди. Потому что этот почерк был ему знаком. Так действовали люди, которые заранее знали, что уходят навсегда. Он снова посмотрел на два стакана. На окурки. На пустые полки.

Потом достал блокнот. Под первой записью появилась вторая: *«Не исчезновение. Подготовленный уход.»* Несколько-

ко секунд он смотрел на эти слова. Потом медленно закрыл блокнот. В квартире по-прежнему стояла тишина.

Осокин вышел из кухни и остановился в дверях комнаты. Здесь было темнее. Свет из коридора ложился на пол длинной полосой. Остальное тонуло в полумраке.

Он нащупал выключатель.

Под потолком загорелась лампа. Комната оказалась небольшой. Диван у стены. Шкаф. Письменный стол. Старый телевизор на тумбе. Ничего лишнего. Ничего такого, что могло бы рассказать о хозяине больше, чем тот сам хотел рассказать.

Осокин прошёл к гардеробу.

Открыл дверцу.

На плечиках висели рубашки. Пара пиджаков. Два костюма. Тёмное пальто. Всё аккуратно, как в магазине.

Он смотрел несколько секунд. Потом нахмурился. Чего-то не хватало.

Память подсказала почти сразу.

Полевой костюм.

Тот самый, в котором Гашаков ездил на поиски. Крепкая ткань цвета хаки. Множество карманов. Осокин видел его десятки раз. На выездах. В лесу. На стрельбище. Теперь костюма не было. Пустое место между плечиками выглядело слишком заметным.

Осокин провёл рукой по перекладине шкафа. Пыль отсутствовала. Вещь сняли недавно. Он закрыл дверцу. Обернул-

ся. На деревянном стуле возле окна что-то лежало.

Фотография.

Осокин поднял её.

Старый снимок. Несколько сотрудников отдела стояли возле здания участка. Молодые. Довольные. Кто-то смеялся. Кто-то смотрел в сторону. На заднем плане виднелось старое здание отдела, ещё до ремонта.

Осокин узнал почти всех. Узнал и себя. Он только перешел в этот отдел. Лицо худее. Меньше морщин возле глаз. Гашаков стоял рядом. Улыбался шире всех. Будто жизнь ещё не успела объяснить ему правила игры.

Осокин задержал взгляд на фотографии.

Потом заметил повреждение. Один угол оказался подпален. Совсем немного. Бумага почернела. Край завернулся внутрь. Словно снимок успели вытащить из огня в последний момент.

Он перевернул фотографию. На обороте ничего не было. Только следы времени.

Осокин положил снимок обратно.

Именно тогда он увидел конверт. Тот лежал на столе. Пустой. Без марки и адреса. Обычный почтовый конверт. Белый. Вернее, когда-то белый.

Теперь на поверхности остались серые разводы и пятна пепла.

Осокин взял его двумя пальцами. Осмотрел. Внутри ничего. Ни письма. Ни записки. Ни клочка бумаги. Только за-

пах гари. Свежий.

Он нахмурился.

Последние сутки в квартире явно что-то жгли.

Но что именно? Документы? Фотографии? Личные записи?

Ответов не было.

Осокин положил конверт рядом с фотографией.

Затем сел за стол.

Медленно выдвинул верхний ящик. Пусто. Средний. Пусто. Нижний. Тоже пусто. Он открыл следующий. Тот же результат. Ни бумаг. Ни флешек. Ни рабочих материалов. Ни записных книжек. Ничего. Словно человек собирался не уехать. Словно человек собирался исчезнуть.

Осокин почувствовал неприятный холод между лопатками.

Гашаков работал в полиции больше двадцати лет. Такие люди не живут без записей. Без старых дел. Без адресов. Без телефонов. Без блокнотов. А здесь не осталось ничего. Будто кто-то тщательно вычистил каждый след прошлого. Он закрыл последний ящик.

И уже собирался подняться, когда заметил лист бумаги.

Обычный лист А4. Белый. Чистый. Лежал в самом углу стола.

Осокин потянул его к себе. Осмотрел. Пусто. Ни строчки. Ни подписи.

Он уже хотел отложить лист в сторону. Но остановился.

Что-то привлекло внимание. Едва заметная вмятина. След от ручки.

Осокин наклонил бумагу к свету. Под другим углом линии стали заметнее. Кто-то писал на верхнем листе блокнота. Потом забрал его. А давление ручки осталось.

Осокин медленно поднялся.

Подошёл к окну.

Свет фонаря помог увидеть рельеф лучше. Буквы начали складываться в слова. Сначала одна линия. Потом другая. Затем ещё. Он смотрел долго, не веря глазам. Потому что фраза оказалась слишком простой. Слишком короткой. Слишком личной.

Не ищи

Всего два слова.

Осокин перечитал их ещё раз. Потом ещё. Сомнений не осталось. Почерк принадлежал Гашакову. Неровный наклон. Характерная буква «и». Укороченная последняя линия. Осокин видел этот почерк сотни раз. На рапортах. На объяснительных. На клочках бумаги возле компьютера. Это писал именно он. Не подделка. Не имитация. Гашаков оставил сообщение сам.

Осокин медленно сел обратно.

Лист лежал перед ним. Слова продолжали смотреть со страницы.

Не ищи.

Не просьба. Не предупреждение. Приказ.

Он достал блокнот. Открыл новую страницу. Несколько секунд сидел неподвижно. Потом написал: *«Подготовился заранее. Уничтожил документы. Забрал полевой комплект. Оставил сообщение.»*

Рука замерла. Осокин посмотрел на последнюю запись. После чего добавил ещё одну строку: *«Не исчез. Ушёл.»* Чернила легли неровно. Как всегда. Он закрыл блокнот.

За окном шумел ночной город. В квартире стояла тишина. Но теперь эта тишина выглядела иначе. Не пустота после исчезновения. След человека, который заранее решил стереть себя из чужой жизни. И сделал это почти без ошибок.

Почти.

Потому что один лист бумаги он всё-таки оставил.

Осокин медленно убрал лист на старое место — край стола. Потом достал телефон. Включил камеру. Сделал снимок стола. Фотографии. Конверта. Пустых ящиков. Следа от надписи. Работал машинально. Как всегда работал на месте происшествия. Спокойно. Без лишних движений. Каждый кадр сохранялся в памяти телефона коротким щелчком. Когда всё было закончено, Осокин убрал аппарат в карман.

После этого сел на край стола. Комната погрузилась в тишину. Лампочка под потолком слегка гудела. За окном проехала машина. Свет фар скользнул по потолку и исчез. Осокин взял фотографию сотрудников отдела. Положил её перед собой. На снимке все выглядели моложе. Федотов ещё носил полковничьи погоны. Несколько человек уже ушли на

пенсию. Двое погибли при задержаниях. Один спился. Один переехал на север. Жизнь растащила всех в разные стороны.

Только они с Гашаковым оставались рядом. Год за годом. Дело за делом. Он смотрел на лицо напарника. На улыбку. На прищуренные глаза. На поднятый воротник куртки. Тогда Гашаков казался простым человеком. Шумным. Упрямым. С придурью. Тем, кто всегда скажет лишнее. Тем, кто не умеет держать язык за зубами. Теперь эта уверенность трещала по швам.

Осокин провёл большим пальцем по краю фотографии. Подгоревший угол оставил на коже серый след. Он посмотрел на него. Потом перевёл взгляд на окно. Тёмное стекло отражало комнату. Пустой стол. Стул. Шкаф. Одинокую фигуру человека в перчатках.

В голове снова прозвучала мысль. На этот раз чётко, без сомнений. Он не сбежал. Он ушёл. Специально. Без следа.

Осокин закрыл глаза.

Память начала вытаскивать детали. Те самые мелочи, которые раньше казались случайными. Последние недели Гашаков менялся. Не резко. Почти незаметно. Сначала перестал задерживаться после работы. Потом начал отказываться от совместных ужинов. Чаше молчал. Реже спорил. Когда разговор заходил о деле Герасимова, становился задумчивым. Будто слушал не собеседника. Будто слушал что-то внутри себя.

Осокин вспомнил вечер в курилке. Тогда они обсужда-

ли Егеря. Гашаков долго смотрел в окно. Потом сказал, что некоторые люди исчезают не потому, что боятся. А потому, что больше не хотят жить прежней жизнью.

Осокин тогда не придавал словам значения.

Теперь вспомнил каждую интонацию. Каждую паузу. Каждый взгляд.

Он открыл глаза. Комната оставалась прежней. Но теперь в ней чувствовалось присутствие хозяина. Не физическое. Другое. Словно вся квартира превратилась в записку. Аккуратную. Продуманную. Адресованную одному человеку.

Ему, Осокину.

Капитан поднялся. Подошёл к окну. Во дворе горел фонарь. Под ним стояла детская качеля. Ветер слегка раскачивал её. Металл тихо поскрипывал.

Он снова вспомнил последние дни. Гашаков несколько раз пропускал встречи. Отказывался от приглашений. Ссылаясь на усталость. На дела. На какие-то проблемы. Тогда это выглядело обычным. Все уставали. Все иногда хотели побыть одни.

Теперь каждая такая мелочь приобретала смысл. Словно части мозаики начали вставать на место.

Осокин почувствовал знакомое ощущение.

То самое, которое появлялось во время расследований. Когда картина ещё не сложилась полностью. Но направление уже стало понятным. Гашаков не исчез случайно. Не стал жертвой. Не оказался в чужой машине. Не лежал связанным

в подвале или канаве.

Всё выглядело иначе.

Он готовился.

Долго. Последовательно. Шаг за шагом. Убирал следы. Вычищал документы. Сжигал бумаги. Забирал вещи. Прощался с прошлым.

Осокин медленно выдохнул.

Самая неприятная мысль пришла последней.

Он пытался отгонять её с того момента, как увидел пустые ящики стола.

Теперь уже не получалось.

Гашаков что-то знал. Что-то важное. Настолько важное, что предпочёл уйти. Не предупредить. Не объяснить. Не довериться даже ему.

Осокин нахмурился.

Эта мысль задевала сильнее всего. Потому что между ними никогда не было секретов такого масштаба. По крайней мере он так считал.

Он вернулся к столу.

Открыл блокнот. Несколько секунд смотрел на пустую страницу. Потом написал: *«Подготовка началась давно.»* Ниже появилась вторая строка: *«Гашаков владел информацией.»*

Рука замерла.

Осокин посмотрел на написанное. После чего добавил ещё одну фразу: *«Не хотел, чтобы кто-то понял раньше*

времени.»

Чернила легли неровно. Буквы поползли вниз. Как всегда. Он закрыл блокнот. Убрал его в карман.

Потом ещё раз посмотрел на фотографию. На улыбающегося Гашакова. На людей, которые тогда казались одной командой. На старое здание отдела за их спинами.

И впервые за весь вечер почувствовал не тревогу. Не злость и не усталость. Пустоту. Потому что расследование только начиналось. И впервые за много лет искать предстояло не преступника. А собственного напарника.

Поздний вечер давно перешёл в ночь.

За окном темнели ряды одинаковых домов. В одном окне горел телевизор. В другом висела тусклая лампа. Где-то хлопнула дверь подъезда. Потом снова наступила тишина.

Он стоял возле стола и держал телефон в руке. На экране светился номер генерала Федотова. Осокин посмотрел на часы.

Стрелки подбирались к девятому часу вечера.

Есть время для звонка.

Он нажал вызов. Гудки тянулись долго. На пятом ответили. Голос Федотова звучал хрипло. Сонным его голос не был. Скорее усталым.

— Слушаю.

Осокин посмотрел на пустой письменный стол. На чистый лист бумаги. На продавленные буквы. Не ищи. Потом сказал:

— Товарищ генерал. Капитан Гашаков отсутствует. Дома

его нет. Следов взлома нет.

На линии возникла пауза. Короткая. Федотов переваривал услышанное.

— Ты сейчас где?

— У него дома.

— Проверил всё?

— Проверил.

Снова тишина.

Где-то далеко за стеной заработал лифт. Осокин слышал гул троса. Потом хлопок дверей кабины. Обычная жизнь продолжалась.

— Может, запил? — спросил Федотов. Осокин промолчал. Генерал продолжил: — Или с женщиной ушёл. Ты же сам говорил, что он последнее время ходил довольный.

Осокин посмотрел на кухню. На бутылку коньяка. На два стакана. На окурки с отпечатками помады. Да. Женщина была. Но это ничего не меняло.

— Нет, товарищ генерал.

— Уверен?

— Да.

Федотов вздохнул.

— Почему?

Осокин медленно прошёлся по комнате. Остановился возле шкафа. Полевой костюм отсутствовал. Исчезли документы. Пропал блокнот. Не осталось ни одной случайной вещи. Даже мусор был вынесен. Человек не исчезает так после за-

столяя. Так уходят после подготовки.

— Он ушёл, — сказал Осокин.

На этот раз пауза длилась дольше. Осокин представил, как генерал сидит где-нибудь на кухне собственной квартиры. В старой футболке. С чашкой остывшего чая. И начинает понимать смысл услышанного.

— Объясни.

Осокин подошёл к окну. Во дворе стояли пустые машины. Под фонарём кружились насекомые.

— Замок цел.

— Дальше.

— Следов борьбы нет... Документы исчезли... Рабочий блокнот исчез.

— Ещё.

— Оставил записку.

Федотов сразу спросил:

— Какую?

Осокин посмотрел на лист бумаги. Слово словно продолжало лежать перед глазами.

— Не ищи.

На другом конце линии никто не ответил. Минуту назад это выглядело как бытовая история. Теперь перестало выглядеть.

— Его почерк?

— Да.

Федотов выругался. Негромко, без злости. Скорее от до-

сады. Осокин редко слышал его таким.

Генерал долго молчал. Потом спросил:

— Думаешь, похитили?

Осокин покачал головой, хотя Федотов этого не видел:

— Нет.

— Думаешь, сам ушёл?

— Да.

— Зачем?

Осокин не ответил. Потому что ответа не было. Была только тревога. Тяжёлая. Глухая. Та, которая появляется раньше фактов.

Он вспомнил последние недели. Гашаков стал другим. Слишком поменялся в поведении. Смотрел куда-то мимо людей. Тогда это казалось усталостью. Теперь выглядело иначе. Будто напарник уже тогда принимал решение.

— Он что-то знал, — сказал Осокин.

— Что именно?

— Не знаю.

Федотов тяжело вздохнул. В трубке слышался скрип стула.

— Ладно.

Генерал говорил медленно. Каждое слово звучало отдельно:

— Утром соберёмся. Проверим счета. Камеры. Телефон,

— Федотов замолчал. Потом произнёс: — Отдыхай.

Осокин посмотрел на тёмное окно. На своё отражение. На

усталое лицо. На красные глаза. Отдыхать он не собирался.
— Хорошо, товарищ генерал, — сказал Осокин.
Федотов отключился. Экран погас. Квартира снова погрузилась в тишину.

Осокин медленно убрал телефон. Прошёл к столу. Сел. Перед ним лежала старая фотография отдела. Обычный снимок. Из тех, что делают перед праздником. И забывают через неделю.

Осокин смотрел на него долго.

Потом перевёл взгляд на лист бумаги.

Не ищи.

Два коротких слова. Если написал эти слова, значит, хотел защитить кого-то. Или предупредить.

Осокин открыл блокнот. Достал ручку. Некоторое время смотрел на бумагу. Потом вывел корявыми буквами: «*Гамаков ушёл сам*». Ниже добавил: «*Причина неизвестна*». После паузы написал ещё одну строку: «*Начать поиски немедленно*». Он закрыл блокнот.

Поднялся. Ещё раз осмотрел квартиру. Пустота во всем. Человек исчез. Но следы подготовки остались.

Перед тем как уйти, Осокин ещё несколько секунд стоял посреди комнаты.

Тишина давила сильнее любых слов.

— Куда ж ты, Саня... — произнёс он.

Осокин решил забрать фотографию с собой, так, на всякий случай.

За окнами спал город. Свет фонаря пробивался сквозь грязное стекло и ложился на пол длинной полосой. В этом свете квартира казалась пустой декорацией. Будто хозяин давно ушёл, а вещи остались ждать человека, который уже не вернётся.

Осокин выключил свет. Закрыв дверь квартиры. Щёлкнул замок. И пошёл к лестнице.

Ночной воздух встретил его сыростью и запахом асфальта. Во дворе стояли несколько машин. В одной горела лампа салона. Где-то хлопнула дверь подъезда. Послышались шаги. Обычный вечер.

Осокин остановился возле машины. Поднял взгляд на тёмные окна квартиры. Как будто хотел получить ответы. Потом сел за руль. Запустил двигатель.

Только внутри всё казалось неправильным. В голове не укладывалось одно. Если человек исчезает под давлением — он оставляет хаос. Если исчезает в спешке — допускает ошибки. Если исчезает из страха — оглядывается. Здесь ничего такого не было. Каждая вещь стояла на месте. Каждый след был убран. Каждое решение выглядело подготовленным.

Гашаков не пропал.

Он организовал собственное исчезновение.

Утро выдалось серым.

Москва просыпалась тяжело. Над рекой висел слой облаков. Вода казалась свинцовой. По набережной тянулся поток машин. Сигналы сливались в один гул.

Осокин остановил служебную машину у стеклянного офисного центра и несколько секунд сидел без движения.

Двигатель работал. На лобовом стекле дрожали капли ночного дождя.

Он смотрел на здание.

Высокое. Холодное. Из стекла и металла. Такие здания строили не для людей. Для денег.

Осокин заглушил мотор. Вышел из машины. Поправил куртку.

Ночь почти не оставила ему сна. После квартиры Гашакова в голове остался тяжёлый осадок. Слишком много вопросов. Ни одного ответа. Но сейчас перед ним было другое дело.

Толстов.

Мёртвый бизнесмен. Человек, который умел создавать впечатление порядка.

Осокин закрыл машину и направился ко входу.

Автоматические двери разошлись в стороны. В лицо ударил запах кофе. Где-то работала кофемашина. В воздухе

смешались ароматы дорогого парфюма, полироли для мебели и свежей бумаги.

Холл оказался просторным. Белый камень. Стекло. Хромированные колонны. У дальней стены располагалась стойка ресепшена. За ней сидела молодая девушка в строгом костюме.

Она подняла взгляд:

— Доброе утро.

Осокин показал удостоверение.

Девушка прочитала фамилию. Лицо её осталось спокойным. Но пальцы на клавиатуре замерли. Всего на секунду.

— Чем могу помочь?

— Фирма СтройРесурс.

Она кивнула:

— Шестой этаж.

Осокин молча убрал удостоверение.

Девушка проводила его взглядом. Слишком внимательно. Он заметил это. Но ничего не сказал.

Прошёл к лифтам. Перед дверями стояли двое мужчин в костюмах. Один разговаривал по телефону. Другой листал новости на экране смартфона. Оба выглядели так, словно их жизнь состояла из встреч, контрактов и отчётов.

Лифт приехал быстро. Двери открылись. Осокин вошёл внутрь. Мужчины остались ждать следующий. Кабина оказалась пустой. Стены покрывали зеркала.

Он нажал кнопку шестого этажа. Двери закрылись. Лифт

тронулся. Осокин поднял глаза. Из зеркала на него смотрел усталый человек. Серое лицо. Покрасневшие глаза. Щетина. Складки под глазами. За последние дни он видел слишком много мёртвых лиц. И слишком мало живых.

Лифт медленно поднимался. Осокин продолжал смотреть на своё отражение. Потом отвёл взгляд. В голове снова всплыло тело Толстова. Гостиная. Аккуратное пятно крови. Ровная работа. Никакой суеты. Никакой паники. Даже смерть выглядела организованной. словно её заранее вписали в расписание.

Он вспомнил квартиру. Перегоревшую лампу. Снимок на полу. Смятую подушку. Идеальный порядок среди следов чужой жизни. Что-то там не сходилось. Слишком чисто. Слишком удобно.

Осокин сунул руку в карман. Нашупал блокнот. Пальцы коснулись обложки. Он не стал доставать его. Мысль уже была сформулирована.

У Толстова всё выглядело чисто. Даже смерть. Но грязь есть у каждого.

Лифт остановился. Раздался сигнал. Двери открылись. Шестой этаж встретил его тишиной.

За стеклянными перегородками виднелись рабочие места. Компьютеры. Цветы в горшках. Аккуратные столы. На стене блестел логотип компании «СтройРесурс». Чёрные буквы на белом фоне.

Осокин сделал несколько шагов по коридору. Сотрудники

уже работали. Кто-то говорил по телефону. Кто-то смотрел в монитор. Кто-то пил кофе. При его появлении разговоры не прекратились. Но стали тише. Он чувствовал взгляды. Осторожные. Настороженные. Люди всегда чувствовали появление полиции. Даже если им нечего скрывать. А если есть — чувствовали ещё сильнее.

У стеклянной двери стояла секретарь. Женщина лет сорока. Строгий костюм. Собранные волосы. Она поднялась ему навстречу.

— Вы к кому?

Осокин показал удостоверение.

Женщина прочитала фамилию. В её глазах мелькнуло напряжение. Очень быстро. Но он успел заметить.

— По делу Толстова.

Она выдержала короткую паузу. Потом кивнула.

— Нас предупреждали.

— Кто предупреждал?

— Следователь, который был позавчера.

Осокин ничего не ответил. «Странно все это, — вертелось у него в голове. — Я же еще не передал дело в следственный комитет».

Женщина указала рукой на коридор.

— Кабинет директора в конце.

Он пошёл дальше. Шаги глухо отдавались по ковровому покрытию. За стеклом мелькали лица сотрудников. Некоторые отворачивались. Некоторые смотрели прямо. Один

мужчина быстро опустил взгляд в бумаги. Слишком быстро. Осокин отметил это машинально. Привычка. За годы службы он научился замечать подобные вещи. Иногда человек выдавал себя не словами. Одним движением головы. Одним взглядом. Одной лишней секундой молчания.

Он дошёл до конца коридора. Остановился перед дверью. На матовом стекле значилась фамилия. «*Генеральный директор*». Толстов. Теперь уже бывший. Осокин посмотрел на табличку. Потом на отражение в стекле. И почувствовал мысль. Смерть Толстова была началом. Не концом. Кто-то очень старался оставить после себя порядок. А порядок в таких делах почти всегда означал одно. Кто-то уже подготовил легенду.

Осокин взялся за ручку двери. Нажал её. И вошёл внутрь. В кабинете было пусто. Только рабочая обстановка. Директорское кресло и длинный вытянутый стол для совещаний и переговоров.

Секретарь стояла на пороге. Осокин как-то не обратил внимание, что женщина шла за ним следом. Держалась на приличном расстоянии.

— Мне нужен кто-нибудь из руководства, — сказал капитан.

— Руководства сейчас нет... Только бухгалтерия и отдел кадров, — сказала она.

Осокин молчал.

Женщина первой отвела глаза. Он отметил это сразу. Лю-

ди, которым нечего скрывать, обычно смотрели дольше.

— Тогда начнем с вас, — сказал он.

Она нервно выдохнула.

— Я ничего не знаю.

— Мы еще не начали разговор.

На секунду женщина смутилась. Потом попыталась вернуть себе спокойствие.

— Я просто администратор.

— Имя?

— Марина.

— Давно работаете?

— Третий год.

Осокин кивнул. Вышел из кабинета и оглядел холл. Несколько дверей были закрыты. Из дальнего кабинета доносился звук принтера. Больше ничего. Слишком тихо для фирмы такого размера.

— После смерти Толстова работа продолжается? — спросил он.

— Да.

— Никто не увольнялся?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Осокин посмотрел на нее. Женщина опять начала крутить ручку.

— Уверены?

Она сглотнула.

— Почти никто.

— Кто именно?

Марина опустила взгляд.

— Анна Петрова.

Имя прозвучало впервые.

Осокин запомнил его сразу.

— Когда уволилась?

— Позавчера. Прислала заявление с курьером.

— По собственному желанию?

— Да.

— После смерти Толстова?

— Да.

— Совпадение?

Марина промолчала.

За стеклянной перегородкой появился мужчина в рубашке. Увидел Осокина. Замедлил шаг. Развернулся и ушел обратно. Осокин заметил и это. Страх распространялся по офису быстрее новостей.

Он достал блокнот. Открыл. Почерк на предыдущих страницах выглядел так, будто записи делал человек в движущемся поезде. Марина бросила взгляд на листы. Осокин написал фамилию «*Петрова*». Потом поднял глаза.

— Кем она работала?

— Бухгалтером Толстова.

— Личным?

— Да.

— Долго?

— Несколько лет.

— Близко общались?

Вопрос заставил Марину напрячься. Она посмотрела в сторону коридора. Будто проверяла, не слышит ли кто-нибудь.

— Не знаю.

— Или не хотите говорить?

— Я правда не знаю.

Осокин закрыл блокнот.

Пауза затянулась.

Он смотрел на женщину несколько секунд. Она не выдержала первой. Снова отвела взгляд. Он видел это много раз. Человек не врет полностью. Он просто не договаривает. Самая полезная информация обычно оставалась именно там. Между словами.

— Марина.

— Да?

— Вы боитесь полиции?

— Нет.

— Тогда кого?

Ручка выпала из ее пальцев. Стукнулась о столешницу. Девушка вздрогнула.

Осокин не пошевелился.

— Никого, — сказала она.

Он молчал.

Она тоже.

Секунды растянулись.

Потом Марина подняла ручку. Наклонилась вперед. Голос стал тише.

Он убрал блокнот в карман.

— Где находится бухгалтерия?

Марина показала рукой в конец коридора.

— Последняя дверь справа.

Осокин кивнул. Развернулся и пошел к кабинету.

За спиной послышался голос Марины:

— Капитан.

Он обернулся.

Марина смотрела на него с тревогой.

— Анна причастна...

Осокин ждал. Но Марина так и не смогла продолжить.

— Пока не ясно, — ответил капитан и пошел дальше по коридору.

За стеклянными стенами сидели сотрудники фирмы. Они работали. Печатали документы. Говорили по телефонам. Но стоило ему пройти мимо, разговоры затихали. Люди поднимали глаза. Провожали его взглядами. И снова отворачивались. словно в этом здании уже давно знали то, чего пока не знал он.

Осокин смотрел по сторонам. Стекло. Металл. Светлые панели. Дорогая мебель. На стенах фотографии строительных объектов: мосты, жилые комплексы, торговые центры.

Компания любила показывать успех. Слишком любила.

Капитан остановился возле стеклянной двери с табличкой «Бухгалтерия». За дверью сидели четыре женщины и мужчина лет пятидесяти.

При виде удостоверения все напряглись.

Даже клавиатуры перестали стучать.

— Доброе утро, — сказал Осокин.

Ответили не сразу.

— Доброе, — произнесла одна из женщин.

Осокин остановился возле пустого стола у окна. На табличке значилось: «*Анна Петрова*». Он посмотрел на кресло. На монитор. На стопку папок. Всё выглядело так, словно хозяйка вышла пять минут назад. Но слой пыли на клавиатуре говорил другое. Рабочее место пустовало давно.

— Когда она была здесь последний раз? — спросил Осокин.

Никто не ответил. Он перевёл взгляд на сотрудников. Люди переглянулись. Первым не выдержал мужчина.

— Две недели назад.

— Точно?

— Примерно.

— А после смерти Толстова?

— Нет, Анны не было.

Осокин кивнул. Это уже было интересно. Петрова исчезла раньше убийства.

— Она предупредила руководство?

— Сказала, что плохо себя чувствует.

— Больничный оформляла?

Мужчина покачал головой:

— Не знаю.

Осокин подошёл к столу. На подставке стояла кружка. На стенке отпечатался след губной помады. Рядом лежал календарь. Несколько дат были обведены красной ручкой. Он наклонился. Последняя отметка стояла за две недели до смерти Толстова. Капитан обратил на это внимание. Все предыдущие дни были зачёркнуты. Последующие — остались нетронутыми. Петрова больше сюда не возвращалась.

Он открыл верхний ящик. Пусто. Второй. Канцелярия. Третий. Папки. Ничего личного. Слишком чисто. Слишком правильно. Как в квартире у Гашакова... Так люди не увольняются. Так люди исчезают.

— Кто-нибудь поддерживал с ней связь? — спросил он.

Женщины молчали.

Потом одна подняла голову. Невысокая. Уставшая. Лет сорока.

— Она ни с кем близко не общалась.

— Совсем?

— Работала и уходила домой.

— Подруги?

— Нет.

— Муж?

— Не знаю.

— Родственники?

Женщина пожала плечами.

Осокин посмотрел на монитор. Компьютер был выключен.

— Пароль знаете?

— Нет.

— Системный администратор есть?

— Сегодня будет после обеда.

Осокин записал фамилию.

Потом перевёл взгляд на мусорную корзину под столом. Внутри лежало несколько смятых листов.

Он надел перчатки и присел. Один лист оказался пустым. Второй содержал таблицу. Третий привлёк внимание сразу. В верхней части сохранилась часть надписи.

«Отчёт».

Ниже: «А.П.»

Осокин развернул бумагу полностью. Лист был порван. Не смят. Именно порван. Причём аккуратно. Кто-то уничтожил документ осознанно.

Он сложил бумагу в файл. Поднялся. Сотрудники наблюдали за ним. Нервно. Настороженно. Как люди, которые знают больше, чем говорят. И боятся произнести лишнее.

Осокин посмотрел на женщину, которая отвечала чаще остальных.

— Толстов доверял Петровой?

Женщина помедлила.

— Да.

— Насколько?

Она посмотрела на остальных. Потом тихо ответила:

— Больше, чем всем нам.

— Почему?

— Она работала с финансами.

— Только поэтому?

Женщина отвела взгляд. Ответа не последовало. Осокин заметил это. Слишком длинная пауза. Слишком осторожное молчание. Он достал блокнот. Раскрыл на чистой странице. Корявым почерком написал несколько слов: «*Петрова исчезла ранние убийства*». Подчеркнул. Ниже добавил: «*Толстов доверял ей*». Ещё ниже: «*Документы уничтожены*». Он закрыл блокнот.

В офисе снова стало тихо. За окнами медленно двигались машины. Осокин посмотрел на пустой стол Анны Петровой. Что-то здесь не сходилось. Если Толстова убили из-за бизнеса, бухгалтер знала слишком много. Если причина была другой, Петрова всё равно оставалась рядом. Слишком близко к человеку, который получил пулю в собственной квартире.

Он ещё раз посмотрел на табличку с именем.

Анна Петрова

Поднял табличку. Под ней лежал чек. Развернул его. Кафе у шоссе. Дата стояла позавчерашняя. Осокин посмотрел на цифры. Позавчера. Администратор сказала, что в этот приходил следователь. Петрова к этому моменту уже пропала...

Странно все это...

Осокин перевернул чек. На обороте шариковой ручкой были написаны цифры: 47—118. Без пояснений. Без подписи. Просто две группы чисел через тире.

Осокин нахмурился.

Код? Номер ячейки? Координаты? Телефон? Что угодно...

Он достал конверт для вещественных доказательств. Аккуратно убрал чек внутрь. Потом снова посмотрел на стол. Больше ничего заметить не смог.

Осокин вышел из бухгалтерии. Дверь за его спиной закрылась с тихим щелчком. В коридоре было пусто. За стеклянными стенами тянулись ряды рабочих мест. Компьютеры работали. Телефоны звонили. Люди ходили между кабинетами с папками и стаканами кофе. Фирма продолжала жить. Словно её владелец не лежал сейчас в морге. Словно полиция не ходила по этажу. Словно ничего не произошло.

Осокин направился обратно к холлу.

У стойки администратора уже стояли двое мужчин. Оба примерно одного возраста. Одинаковые светлые рубашки. Одинаковые тёмные брюки. Одинаковые напряжённые лица. Они замолчали, когда увидели капитана.

Осокин остановился напротив. Несколько секунд никто не говорил. Один из мужчин поправил воротник. Второй сунул руки в карманы.

Осокин достал удостоверение. Показывать его уже не бы-

ло необходимости. Но привычка оставалась привычкой.

— Вы сотрудники компании?

— Да, — ответил первый.

— Финансовый отдел.

Осокин кивнул.

— Хорошо.

Он убрал удостоверение.

— Кто из вас занимался отчётностью Толстова?

Мужчины переглянулись. Коротко. Будто заранее договорились о том, кто будет отвечать. Первым заговорил тот, что стоял ближе.

— Мы только подписывали.

— Что именно?

— Отчёты. Акты. Финансовые документы.

— Готовые?

— Да.

— А кто их готовил?

Мужчина выдохнул.

— Всё делала Анна Андреевна.

Осокин молча смотрел на него. Второй сотрудник отвёл взгляд к окну.

Первый продолжил:

— Она вела почти все крупные проекты.

— Одна?

— Почти.

— Почему почти?

— Иногда подключались заместители.

— Иногда?

— Да.

Осокин заметил, как мужчина начал подбирать слова. Это происходило каждый раз, когда человек понимал, что говорит лишнее.

— Что значит подключались?

— Проверяли цифры.

— Проверяли или согласовывали?

Ответа не последовало. Осокин сделал вывод сам — согласовывали. Несколько секунд в коридоре стояла тишина. Потом неожиданно заговорил второй. Голос прозвучал тише:

— Её боялись даже замы.

Первый бросил на него быстрый взгляд. Но было поздно. Слова уже прозвучали.

Осокин перевёл взгляд на второго сотрудника.

— Боялись?

Тот кивнул.

— Да.

— Почему?

Мужчина пожал плечами.

— Она слишком много знала.

— Что именно?

— Всё.

Осокин ждал.

— Продолжайте.

Сотрудник посмотрел на стеклянную перегородку. Будто проверял, не слушает ли кто-нибудь. Потом заговорил:

— Она знала, какие деньги проходят через фирму.

— Это работа бухгалтера.

— Не только.

Осокин ничего не сказал. Мужчина продолжил сам:

— Она знала, какие деньги проходят по документам и какие проходят мимо документов.

В коридоре стало тихо. Первый сотрудник опустил голову. Администратор за стойкой замерла. Даже стук клавиатуры из соседнего кабинета прекратился.

Осокин внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы сейчас говорите о незаконных операциях?

Мужчина побледнел.

— Я ничего такого не говорил.

— Но подумали именно об этом.

Ответа не последовало. Осокин уже видел достаточно. Страх в этой фирме существовал давно. Ещё до убийства Толстова. И этот страх был связан не с ним. Не с полицией и не с расследованием. Он был связан с деньгами. Слишком большими деньгами.

Осокин достал блокнот. Открыл чистую страницу.

— Кто ещё мог знать, куда переводились средства?

Первый сотрудник ответил сразу:

— Финансовый директор.

— Где он?

— В командировке.

— С какого дня?

— С понедельника.

Осокин записал. Потом поднял глаза.

— Кто ещё?

Мужчины молчали. Один смотрел в пол. Другой на дверь лифта. Секунды тянулись медленно. Осокин ждал. Он умел ждать.

Наконец второй сотрудник заговорил. Почти шёпотом:

— Только она.

— Петрова?

— Да.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему?

Мужчина сглотнул.

— Потому что все документы проходили через неё.

Осокин закрыл блокнот.

Но не убрал его.

— Получается, если кто-то захочет найти деньги Толсто-ва, искать нужно Петрову?

Никто не ответил.

Это и было ответом.

Осокин посмотрел на мужчин ещё раз. Теперь картина становилась понятнее. Толстов убит. Петрова исчезла. Рабо-

чье место зачищено. Страх сотрудников. И деньги. Всегда деньги. Он медленно написал новую строку. Корявые буквы заняли половину страницы: «*Петрова = ключ*». Подчеркнул два раза. Закрыв блокнот.

Первый сотрудник заметил запись.

— Она что... подозреваемая?

Осокин убрал ручку.

— Пока нет.

— Тогда кто?

Осокин не ответил. Лишь машинально поблагодарил за помощь и направился к лифту. За спиной снова зазвучали голоса. Тихие. Осторожные. Испуганные.

Он нажал кнопку вызова. Створки открылись почти сразу.

Перед тем как войти внутрь, Осокин ещё раз посмотрел на этаж. На стеклянные стены. На людей, которые привыкли ничего не замечать.

Потом шагнул в кабину. Двери начали закрываться. В отражении зеркала он увидел собственное лицо. Усталое. Серое. Чужое.

Лифт плавно пошёл вниз.

Осокин достал блокнот ещё раз. Перечитал все записи. Ниже записи о Петровой добавил ещё одну строчку: «*Толстов умер. Деньги исчезли. Петрова пропала. Гашиков ушёл.*» После короткой паузы написал последнее слово. «*Связано*».

Он захлопнул блокнот.

И впервые за последние сутки почувствовал, что приближается не к разгадке убийства, а к чему-то намного большему.

Лифт выпустил Осокина в прохладный холл первого этажа. Стеклопакетные двери бесшумно разъехались в стороны. Он вышел на улицу. Жара ударила в лицо. После кондиционированного воздуха офисного центра город показался тяжёлым. Асфальт блестел под солнцем. От набережной тянуло нагретым камнем и водой. По дороге двигался плотный поток машин. Гудки. Шум шин. Обрывки разговоров. Обычная жизнь большого города.

Осокин остановился возле бордюра. Сунул руку в карман куртки. Достал конверт с чеком. Аккуратно извлёк его. Бумага уже начала загибаться по краям. Он снова посмотрел на цифры. 47—118. Шесть знаков. Но последние двадцать минут они не выходили из головы. Не номер телефона. Слишком коротко. Не банковский счёт. Не дата. Не сумма. Что-то другое.

Осокин перевернул чек. Потом снова посмотрел на цифры.

47—118.

Словно кто-то оставил подсказку. Или адрес. Или координату. В таких делах случайных записей не бывает. Особенно когда человек исчезает.

Он убрал чек обратно в конверт. Достал телефон. На экране высветился список последних вызовов. Палец остановил-

ся на знакомом номере.

Гашаков.

Осокин нажал вызов.

Телефон зазвонил. Раз. Два. Три. Никто не ответил. Через несколько секунд включился оператор. Тот же результат. Как вчера. Как ночью. Как утром. Осокин убрал телефон от уха. Экран медленно погас.

Несколько секунд он стоял неподвижно. Люди обходили его. Кто-то спешил в офис. Кто-то выходил на улицу с бумажным стаканом кофе. Никто не обращал внимания на высокого мужчину в гражданской одежде. Никто не видел, как постепенно складывается ещё одна цепочка. Толстов-Петрова-Гашаков-Деньги-Исчезновение.

Осокин снова набрал номер. Без надежды. Скорее по привычке. Ответ не изменился.

Тишина.

Он отключился сам.

Сунул телефон в карман.

Поднял голову. Перед ним возвышался стеклянный фасад бизнес-центра. Сотни окон. Сотни отражений. Небо. Облака. Машины. Люди. И его собственное лицо. Осокин посмотрел на отражение. Щетина проступала сильнее обычного. Взгляд стал жёстче. Он почти не узнавал себя на таких отражениях. Последние недели вытянули слишком много сил.

Егерь. Лес. Трупы. Исчезновения.

Теперь Толстов. Петрова. Гашаков.

Он продолжал смотреть на стекло. В какой-то момент ему показалось, что всё расследование напоминает этот фасад. Отражение вместо настоящего изображения. Каждый человек показывал только ту часть правды, которую хотел показать. Остальное оставалось за стеклом. Недоступным. Закрытым.

Осокин медленно выдохнул. В голове снова возникло лицо администратора. Испуганный взгляд. Сжатые губы. Потом сотрудники бухгалтерии. Потом пустой стол Петровой. Потом записка Гашакова.

Не ищи.

Он вспомнил этот лист бумаги.

Выдавленные буквы. Знакомый почерк. Никаких эмоций. Только приказ. Как служебная записка. Словно напарник заранее знал, что Осокин всё равно начнёт искать. И хотел остановить его ещё до начала поисков.

Осокин усмехнулся. Без радости. Гашаков достаточно поработал рядом с ним. Должен был понимать. Некоторые вещи невозможно оставить без ответа. Особенно когда исчезает человек, которому доверял.

Мимо прошла группа сотрудников офиса. Кто-то смеялся. Кто-то говорил по телефону. Кто-то обсуждал планы на вечер. Осокин смотрел сквозь них. Мысли находились далеко отсюда. Он чувствовал, что расследование начинает менять направление. Убийство Толстова уже не выглядело отдельным преступлением. Слишком много нитей тянулось в

разные стороны. И почти все они сходились возле людей, которые внезапно исчезали.

Кто следующий?

Этот вопрос возник сам собой. Осокин не любил такие вопросы. Обычно они означали, что время заканчивается. Он ещё раз посмотрел на фасад здания. На собственное отражение среди сотен отражений. Слишком много зеркал. Слишком мало ответов. Слишком много людей, которые что-то скрывают. И слишком мало тех, кто готов говорить.

Телефон в кармане молчал. Город жил своей жизнью. Солнце поднималось выше.

Осокин пошел к машине. Сделал несколько шагов. Потом остановился. Что-то не давало покоя. Не Толстов и не Петрова. Даже не цифры на чеке.

Гашаков.

Его спокойствие перед исчезновением. Его молчание. Его уход с банкета. Его ключи на столе. Будто напарник оставлял отметки. Одну за другой. Будто хотел, чтобы Осокин шёл по следу. Но не сразу понял зачем.

Осокин открыл дверцу машины. Сел за руль, положив на него руки.

Несколько секунд смотрел через лобовое стекло.

Потом тихо произнёс:

— Что же ты нашёл, Саня?

Ответа не было.

Только шум города за окнами.

Осокин перевёл взгляд на соседнее сиденье. Там ничего не было.

Потом открыл бардачок. Среди документов лежала фотография. Та самая. Найденная в квартире Гашакова. Он достал её. Бумага уже начала загибаться на углах. Осокин в который раз внимательно посмотрел на снимок. Несколько человек. Старое здание отдела. Улыбки. Смех. Обычная фотография. На первый взгляд. Но именно её Гашаков оставил на виду. Не убрал. Не уничтожил. Словно хотел что-то сказать.

Осокин провёл пальцем по краю снимка. Потом достал из кармана конверт. Извлёк чек. Положил рядом с фотографией. Цифры снова оказались перед глазами.

47—118.

Фотография.

Чек.

Петрова.

Толстов.

Гашаков.

Разрозненные части одной картины. Но пока без центра.

Осокин смотрел на них долго. Потом тихо произнёс:

— Анна Андреевна... посмотрим, куда ты уехала.

Слова растворились в тишине салона.

Он убрал чек обратно в конверт. Фотографию вернул в бардачок. Закрыв крышку. Щелчок прозвучал громче обычного.

Осокин вставил ключ в замок зажигания. Повернул. Дви-

гатель ожил. По кузову прошла лёгкая вибрация. На панели загорелись приборы. Кондиционер зашумел. Снаружи кто-то сигналил. Из соседней полосы вырुливало такси.

Осокин включил радио. Из колонок донёлся треск помех. Потом появился голос диктора. Спокойный. Ровный. Будто ничего важного в мире не происходило:

— По данным синоптиков, в столице сохранится жаркая погода. Во второй половине недели возможны грозы и сильный ветер...

Осокин слушал вполуха. В прогнозах всегда была своя честность. Облака приходят. Дождь начинается. Гроза заканчивается. Всё просто.

Люди устроены иначе. Они лгут. Исчезают. Прячут деньги. Оставляют записки. Уходят без объяснений.

Он вывел машину со стоянки. Поток сразу подхватил её. С обеих сторон потянулись стеклянные здания. Отражения мелькали в окнах. Небо. Машины. Лица.

В какой-то момент Осокин снова увидел собственное отражение. На этот раз в витрине банка. Всего секунду. Но этого хватило. Он выглядел старше. Словно прошёл не один день. А несколько лет. Усталость накапливалась незаметно. Как пыль на мебели. Как трещина в стекле. Сначала её не видно. Потом она проходит через всю поверхность.

Осокин вспомнил последние недели. И поймал себя на мысли, что уже давно не помнит, когда отдыхал последний раз. Не засыпал на несколько часов. Не отключался от рабо-

ты. Не думал о чужих смертях.

Машина свернула с набережной. Светофор переключился на красный. Осокин остановился. Перед ним медленно переходили дорогу люди. Кто-то нёс пакет с продуктами. Кто-то держал ребёнка за руку. Кто-то смеялся. Обычная жизнь. Та жизнь, ради которой полиция и существовала.

Он смотрел на них и думал о Гашакове. Где он сейчас. Жив ли. Что заставило его исчезнуть. И почему всё это произошло именно сейчас. Когда в деле Толстова начали всплывать первые серьёзные вопросы.

Загорелся зелёный свет. Машины двинулись вперёд. Осокин нажал на газ. Город продолжал жить. Солнце поднималось выше. Воздух дрожал над асфальтом. По радио говорили о жаре. О грозах. О пробках. О чём угодно, кроме того, что действительно имело значение.

Осокин смотрел вперёд. На дорогу. На поток машин. На далёкую линию горизонта между домами. Лето ещё не закончилось, а внутри капитана уже наступила осень. Та самая. Холодная. Долгая. Которая приходит не по календарю. А вместе с пониманием, что впереди слишком много потерь и слишком мало ответов.

Осокин вошёл в отдел одним из первых. В коридорах ещё стояла сонная тишина. Где-то хлопнула дверь. Зазвенела кружка. Кто-то включил чайник. Обычное начало рабочего дня. Только для него этот день уже был испорчен. На столе стояла кружка с холодным кофе. Тёмная плёнка застыла на поверхности.

Рядом лежали папки по делу Толстова. Фотографии. Распечатки банковских переводов. Конверт с чеком. И флешка с наклейкой: «*Фирма Толстова*». Ночью оперативники успели снять копии части электронных документов.

Осокин сел за стол. Потёр глаза. Включил компьютер. Системный блок тихо загудел. Монитор вспыхнул бледным светом. Кабинет сразу стал казаться ещё более пустым.

За окном висело серое московское утро. Низкие облака закрывали солнце. Свет проникал через стекло и ложился на стол тусклыми полосами.

Осокин открыл базу данных. Вентилятор в колонке издал короткий щелчок. Потом ещё один. Этот звук почему-то раздражал. Он сделал глоток кофе. Сразу поморщился. Напиток остыл окончательно. Но выбрасывать его не стал. Поставил кружку обратно.

Перед глазами возникло лицо Анны Петровой. Фотография из личного дела. Спокойный взгляд. Сдержанная улыбка.

ка. Обычная женщина. Бухгалтер. На первый взгляд.

Осокин ввёл фамилию: *Петрова*. Имя: *Анна*. Отчество: *Андреевна*. Нажал клавишу. На экране появилась карточка. Информация начала загружаться.

Возраст — *тридцать четыре*.

Родной город — *Подольск*.

Образование — *высшее экономическое*.

Место работы.

Адрес регистрации.

Осокин медленно прокручивал страницу. Ничего необычного. Обычная биография. Слишком обычная. Он уже начал думать, что теряет время. Потом дошёл до раздела родственников. Курсор дрогнул. Страница зависла. Компьютер задумался. Секунда. Другая. Третья. Осокин машинально постукивал пальцем по столу.

Экран мигнул. Строка появилась не сразу. Будто система сама не хотела её показывать.

Гашаков Александр Павлович.

Степень родства: *двоюродный брат*.

Осокин замер. Рука осталась на мышке. Палец застыл на кнопке. Он ещё раз посмотрел на экран. Потом снова. Строка никуда не исчезла. Не ошибка. Не совпадение фамилий. Полные данные. Идентификационные номера. Родственные связи. Всё подтверждено.

Осокин медленно откинулся на спинку кресла. В голове стало пусто. На несколько секунд. Потом мысли начали воз-

вращаться. Одна за другой.

Гашаков исчез. Петрова исчезла. Толстов убит. Петрова контролировала финансовые потоки фирм.

Гашаков ничего не говорил о родственнице. Ни разу. За все годы службы. Осокин попытался вспомнить. Любой разговор. Любую случайную фразу. Любое упоминание. Ничего. Абсолютно ничего.

Он знал, как зовут бывшую жену Гашакова. Знал дату смерти его отца. Знал, какие сигареты тот курил до того, как бросил. Знал, что Гашаков ненавидел рыбалку и любил старые военные фильмы. Но про двоюродную сестру не слышал никогда. Ни одного слова.

Осокин снова посмотрел на монитор. Строка продолжала мигать перед глазами. Как сигнал. Как предупреждение. Он открыл дополнительную информацию: дата рождения Петровой, место рождения, данные родителей.

Потом открыл карточку Гашакова. Начал сверять. Минут через десять сомнений не осталось. Родство существовало. Настоящее. Подтверждённое документами.

Осокин потёр переносицу. За последние дни он видел много странного. Но это оказалось самым тяжёлым. Потому что касалось не дела. Касалось человека. Напарника.

В кабинете стало душно. Осокин поднялся. Подошёл к окну. Посмотрел вниз. Во двор въезжали машины сотрудников. Люди спешили на работу. Обычная жизнь продолжалась.

Он стоял неподвижно. Мысли постепенно выстраивались в цепочку.

Гашаков знал Петрову. Не мог не знать. Петрова исчезла. Гашаков исчез. Произошло это почти одновременно. Слишком много совпадений. Слишком много.

Он вернулся к столу. Открыл блокнот. Нашёл чистую страницу. Несколько секунд смотрел на неё. Потом написал: *«Гашаков — родственник Петровой»*. Остановился. Подчеркнул. Один раз. Потом второй. После короткой паузы добавил ещё одну строчку: *«Скрыл информацию»*. Ручка замерла. Эти слова дались тяжелее остальных. Потому что означали одно. Гашаков сознательно умолчал о связи. Не забыл. Не перепутал. Скрыл.

Осокин закрыл глаза. Перед ним возникло лицо напарника. Усталое. Спокойное. Немного насмешливое. Он вспомнил десятки разговоров и выездов. Месяцы работы. Всё это вдруг приобрело новый оттенок. словно знакомую фотографию повернули другой стороной. И на обороте обнаружилась надпись, которую раньше никто не замечал.

Он открыл глаза. Посмотрел на экран. Курсор продолжал мигать. Ровно. Спокойно. Как пульс. Осокин понял, что произошло нечто важное. Очень важное. Не просто новая улика. Не просто новый факт. Граница. До этого момента он искал Гашакова. Теперь впервые начал проверять его. Разница казалась небольшой. На самом деле она была огромной.

Он снова взял ручку. Долго смотрел на страницу. Потом

написал ещё одну строку. Самую тяжёлую за всё утро: «*Возможна причастность*». Запись получилась кривой. Буквы налезли друг на друга. Осокин долго смотрел на них. Потом медленно закрыл блокнот.

В кабинете всё ещё было тихо. Щёлкал вентилятор. Гудел компьютер. Свет из окна ложился на стол. Обычное утро. Но для Осокина оно стало началом совсем другого расследования. Теперь он искал не только убийцу Толстова. Теперь он искал ответ на вопрос, который ещё неделю назад казался бы безумием. Кем на самом деле был Александр Гашаков?

За окном проехал грузовик. Где-то в коридоре прозвучали шаги. Кто-то разговаривал возле дежурной части. Все эти звуки доносились словно из другого мира.

Он откинулся на спинку кресла. Положил руки на подлокотники. Посмотрел в потолок. В голове стояла пустота. Не та усталость, к которой он привык за годы службы. Не тяжесть после бессонной ночи. Не раздражение от очередного тупика. Что-то другое. Словно внутри выключили свет.

Осокин медленно выдохнул. Потом снова посмотрел на монитор. Строка никуда не исчезла. *Двоюродный брат.*

Он перечитал данные ещё раз. Потом ещё. Будто надеялся найти ошибку. Опечатку. Сбой системы. Неверную запись. Что угодно. Но ничего не менялось. Фамилии. Даты. Документы. Родственные связи. Всё совпадало и подтверждалось.

Осокин провёл ладонью по лицу. Кожа казалась холодной. Капитан открыл блокнот. Посмотрел на последнюю за-

пись. «*Возможна причастность*». Строчка выглядела чужой. Будто её написал кто-то другой.

Он закрыл блокнот. Снова перевёл взгляд на экран. В голове прозвучала короткая мысль. «Саня... это всё сейчас серьёзно?» Ответа не было. Только мигание курсора. Ровное. Спокойное.

Осокин вспомнил квартиру Гашакова. Аккуратно сложенную куртку. Пустые ящики стола. Фотографию. Конверт. Записку.

Не ищи.

Тогда всё выглядело как уход человека, который хотел исчезнуть. Теперь картина менялась. Каждая деталь приобретала новый смысл.

Он открыл системное меню. Вышел из карточки Петровой. Перезапустил базу. Заново ввёл данные. *Петрова Анна Андреевна*. Поиск. Карточка появилась снова. Осокин перешёл в раздел служебной активности. Туда редко заглядывали. Обычно такая информация никого не интересовала. Но сейчас каждая мелочь имела значение. Он начал просматривать историю обращений. Дата регистрации. Изменения. Служебные запросы. Проверки. Потом увидел нужную строку.

Осокин замер. Несколько секунд просто смотрел на экран. Дата последнего запроса. Вчера. Вечером. Уже после смерти Толстова. После начала расследования. После появления первых вопросов.

Он приблизил изображение. Проверил ещё раз. Нет ошибки. Дата стояла чётко. Вчера. Осокин перевёл взгляд правее. На графу пользователя. Сердце тяжело ударило в грудь. Автор запроса. *Гашаков Александр Павлович*.

Несколько секунд он не двигался. В кабинете стало очень тихо. Даже вентилятор будто перестал щёлкать. Осокин смотрел на экран. Потом ещё раз перечитал строку. Гашаков искал данные Петровой. Вчера. После своего исчезновения. Не месяц назад. Не год. Не случайно. Вчера. Значит, он уже знал. Или что-то проверял. Или готовился.

Осокин открыл журнал подробнее. Запрос был сделан с рабочего компьютера. Время — двадцать два часа сорок семь минут. Поздний вечер. Отдел почти пустой. Большинство сотрудников уже ушли домой. Он автоматически вспомнил вчерашний день. Где был сам. Что делал. С кем разговаривал. В двадцать два сорок семь он изучал документы Толстова. Гашаков находился где-то рядом. В том же здании. В нескольких десятках метров. И в это время проверял собственную родственницу.

Осокин почувствовал, как внутри появляется холод. Не злость и не обида. Холод. Тот самый. Следовательский. Когда факты начинают складываться в неприятную конструкцию. Он открыл ещё несколько журналов. Посмотрел историю действий Гашакова за последние дни. Запросы. Проверки. Поиски. Некоторые выглядели обычными. Некоторые касались Толстова. Некоторые — Петровой. Слишком часто.

Слишком настойчиво.

Осокин записал время запросов на отдельный лист. Потом ещё раз посмотрел на экран. Теперь он видел уже не напарника. Не друга. Не человека, с которым сидел в одной машине. Перед ним появлялся участник событий. Потенциальный участник. Именно это пугало сильнее всего. Следовательно обязан сомневаться. Даже когда не хочет. Особенно когда не хочет.

Осокин поднялся. Подошёл к окну. Во дворе стояли служебные автомобили. Двое сотрудников курили возле входа. Кто-то смеялся. Кто-то махал руками. Он смотрел вниз и вспоминал Гашакова. Совместные задержания. Командировки. Ночные дежурства. Ссоры. Разговоры. Теперь поверх этих воспоминаний ложилась новая информация. И она не хотела исчезать. Гашаков искал Петрову. Гашаков скрыл родство. Гашаков исчез.

Слишком много совпадений. Слишком много.

Осокин вернулся к столу. Открыл блокнот. Долго держал ручку над бумагой. Потом написал: «*Запрос по Петровой — вчера, 22:47.*» Следующая строчка появилась не сразу. Он несколько секунд смотрел на страницу. Потом всё-таки вывел: «*Гашаков знал больше, чем говорил.*» Почерк получился ещё хуже обычного. Буквы поползли в стороны. Чернила размазались.

Осокин закрыл блокнот. Медленно. Аккуратно. Потом снова посмотрел на монитор. Курсор продолжал мигать. Как

пульс пациента. Живой. Ровный. И с каждым его всплеском мысль становилась всё отчётливее. Гашаков не просто исчез. Он ушёл, уже зная что-то о Петровой. А значит, возможно, знал и о смерти Толстова.

Он отложил ручку. В кабинете стояла тишина. За окном прополз автобус. Где-то в коридоре хлопнула дверь. Потом всё снова затихло. Нажал на кнопку «*печать*». Принтер выкатил три листа с карточкой Петровой.

Осокин поднялся из-за стола. Подошёл к доске, по ходу взяв распечатку из принтера. На центральном месте висела фотография с места убийства Толстова. Тело у стены. Раскинутые руки. Тёмное пятно на рубашке. Лицо человека, который до последней минуты считал, что контролирует ситуацию.

Осокин долго смотрел на снимок. Потом приколот рядом первый лист карточки Петровой. Фотография для документов. Светлый фон. Собранные волосы. Спокойный взгляд. Ничего примечательного. Таких лиц тысячи. Но именно это лицо теперь связывало исчезновение Гашакова с убийством Толстова.

Он сделал шаг назад. Схема начала складываться. Толстов погиб — Петрова исчезла — Гашаков исчез. Слишком много исчезновений вокруг одного человека. Слишком много совпадений.

Осокин вернулся к столу. Взял фотографию отдела. Тот старый снимок, что забрал из квартиры напарника. Он

провёл большим пальцем по краю фотографии. В памяти всплыл тот день. Обычный выезд. Обычное задержание. Потом общий снимок. Потом работа. Тогда всё казалось проще. Тогда не приходилось проверять друзей.

Он положил фотографию рядом с распечаткой. Контраст оказался почти физическим. На одном листе — люди. На другом — факты. Люди могли ошибаться. Факты ошибались редко.

Осокин снова посмотрел на строку: «Гашаков Александр Павлович — *двоюродный брат*». Потом перевёл взгляд на дату последнего запроса. Вчера. Запрос выполнял сам Гашаков.

Осокин медленно выдохнул. Мысли двигались по кругу. Он пытался найти объяснение. Любое. Гашаков мог расследовать что-то самостоятельно. Мог проверять родственницу. Мог защищать её. Мог помогать ей. Каждая версия выглядела одинаково плохо.

Он подошёл к окну. На стекле отражалась доска, фотографии, карточка, красные отметки. Схема напоминала паутину. В центре находился Толстов. Но чем дольше Осокин смотрел, тем сильнее ощущал другое. Толстов уже не был главным. Главным становился Гашаков. Живой человек постепенно занимал место погибшего. Это раздражало. Осокин привык искать преступников. Не друзей.

Осокин поднял взгляд на фотографию отдела. Гашаков всё ещё улыбался. Как будто ничего не произошло. Как буд-

то через несколько минут они снова поедут на вызов. Как будто впереди обычный рабочий день.

Осокин долго смотрел на этот снимок. Потом перевёл взгляд на карточку Петровой. И впервые допустил мысль, которую до этого не позволял себе сформулировать полностью.

Если Гашаков исчез не случайно...

Если Петрова исчезла не случайно...

Если Толстов погиб не случайно...

То их связывает не только родство. Есть что-то ещё. Что-то, ради чего человек способен бросить службу. Исчезнуть. Стереть следы. Оставить записку.

Осокин медленно сел в кресло. Пружины тихо скрипнули. Он посмотрел на схему ещё раз. Потом взял красный маркер. Подошёл к доске.

И провёл новую линию от фотографии Гашакова к фотографии Толстова. Линия пересекла почти всю доску. Толстая. Яркая. Неприятная. Осокин несколько секунд смотрел на неё. Потом поставил рядом один знак вопроса. И ещё один. И ещё один. После этого опустил маркер. Теперь доска выглядела честно. Она не давала ответов, только показывала направление. А направление ему не нравилось. Совсем не нравилось. Потому что впервые за много лет следствие вело его не к преступнику. Следствие вело его к другу.

В дверь постучали. Не громко. Два коротких удара. Осокин поднял голову от стола. На пороге стояла Даша. В одной

руке папка. В другой — несколько скреплённых листов. Вид у неё был усталый. Под глазами легли тени. Похоже, домой она тоже не уходила.

— Данил, ты просил анализ по микрочастицам с квартиры Толстова.

Осокин молча протянул руку. Даша вошла в кабинет. Положила бумаги на край стола. Он взял первый лист. Пробежал взглядом по строчкам. Стандартные формулировки. Пыль. Волокна ткани. Следы бытовой химии. Ничего необычного. Он перевернул страницу. Потом ещё одну.

— Там всё чисто, — сказала Даша. — Следы крови принадлежат только Толстову. Остальное — бытовое.

Осокин кивнул.

— Спасибо.

Она посмотрела на него несколько секунд. Будто хотела что-то добавить. Потом перевела взгляд на доску. На фотографии. На стрелки. На карточку Петровой. На красную линию между Толстовым и Гашаковым. Её лицо изменилось. Совсем немного. Но Осокин заметил. Даша работала с ними давно. Достаточно давно, чтобы понять смысл схемы.

— Есть новости? — спросила она.

Осокин покачал головой.

— Пока нет.

— Телефон молчит?

— Да.

Даша кивнула.

Несколько секунд стояла молча. Потом поправила папку под мышкой.

— Найдётся.

Осокин не ответил.

Она тоже ничего больше не сказала. Развернулась и вышла. Дверь закрылась. Щёлкнул замок. И снова наступила тишина.

Осокин посмотрел на дверь. Долго. Слишком долго. Будто ожидал, что через секунду ручка повернётся. Дверь откроется. В кабинет войдёт Гашаков. С пакетиком дешёвого кофе. С очередной глупой шуткой. С привычным выражением лица. Скажет, что все зря переполошились. Что телефон сел. Что он ездил по делам. Что ничего особенного не произошло. Но дверь оставалась закрытой. Никто не входил.

Осокин отвёл взгляд. Посмотрел на телефон. Аппарат лежал рядом с блокнотом. Тёмный экран. Ни сообщений. Ни пропущенных вызовов.

Он взял телефон. Нашёл нужный номер. Нажал вызов. Гудок не появился. Система ответила почти сразу. Механический голос прозвучал ровно. Без эмоций. Без пауз. Без надежды. *Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.*

Осокин отключил вызов. Несколько секунд смотрел на экран. Потом снова нажал кнопку. Тот же результат. Он медленно опустил телефон. Потёр ладонью лицо. Щетина царапнула кожу. Ночь без сна давала о себе знать. Голова работа-

ла. Тело сопротивлялось.

Осокин поднялся. Подошёл к окну. Во дворе отдела стояли служебные машины. Те же двое сотрудников курили возле ворот, как будто никуда не уходили. Кто-то тащил коробки в соседний корпус. Обычный день. Обычная работа. Мир продолжал двигаться. Только одна деталь не вписывалась в этот порядок. Гашаков исчез.

Осокин снова взял телефон. Набрал номер. Последняя попытка. Последний шанс услышать знакомый голос. Система ответила сразу. *Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.* Осокин усмехнулся. Усталой усмешкой. Без радости. Без злости.

— Просто выключил.

Слова прозвучали вслух. Глухо. Будто их произнёс другой человек. Он сам услышал это. И замер. В кабинете снова стало тихо. Слишком тихо. Осокин медленно положил телефон на стол. Посмотрел на доску. Потом перевёл взгляд на дверь. На ту самую дверь, через которую несколько минут назад вышла Даша. Через которую каждый день входил Гашаков. И впервые за всё время позволил себе признать очевидное — он больше не ждет звонка.

Он ждет объяснений.

От размышлений оторвал звонок. Вызывал генерал.

К кабинету Федотова Осокин подошёл ближе к вечеру. Коридоры отдела пустели. Из некоторых кабинетов ещё доносились голоса. Где-то работал принтер. Где-то звонил те-

лефон.

Он остановился возле двери. Посмотрел на табличку. *Генерал-майор Федотов*. Ещё пару дней назад он вошёл бы сюда без всяких мыслей. Сейчас всё выглядело иначе.

Осокин постучал.

— Заходи.

Голос генерала прозвучал устало. Осокин открыл дверь. Федотов сидел за столом. Перед ним лежала стопка документов. На краю стола стояла чашка с давно остывшим чаем. Очки были сдвинуты на край носа. Он читал какой-то отчёт.

Не поднимая головы, указал рукой на стул.

— Садись.

Осокин остался стоять. Федотов перевернул страницу. Сделал пометку ручкой. Только потом посмотрел на него. Взгляд задержался на лице капитана. На красных глазах. На складке между бровями. На усталости, которую уже не скрывала даже привычная сдержанность.

— Что у тебя по Толстову?

Осокин ответил сразу.

— Работаем.

Федотов отложил ручку. Несколько секунд молчал. Потом усмехнулся. Без веселья.

— Очень содержательно.

Осокин ничего не сказал.

Генерал откинулся на спинку кресла. Сцепил пальцы на животе.

— Конкретнее.

За окном медленно двигались облака. Солнечный свет отражался в стекле соседнего здания. В кабинете стало светлее. Осокин посмотрел на бумаги на столе. Потом перевёл взгляд на начальника.

— Пока связи не прослеживаются.

Федотов не ответил. Только смотрел. Долго. Осокин выдержал этот взгляд. За годы службы он научился не отворачиваться. Особенно тогда, когда хотел скрыть правду.

Генерал медленно снял очки. Положил их рядом с чашкой.

— Правда?

— Да.

— Совсем ничего?

— Проверяем несколько направлений.

— И всё?

— Пока всё.

Федотов потёр переносицу. В кабинете повисла пауза. Тяжёлая. Неприятная. Осокин понимал, что генерал чувствует ложь. Не факты. Не детали. Само ощущение. За много лет Федотов научился распознавать такие вещи. Он видел людей. Видел страх. Видел растерянность. Видел попытки что-то скрыть. Сейчас он видел перед собой Осокина. И понимал, что тот недоговаривает.

Но не понимал почему.

— Данил.

— Слушаю.

— Ты выглядишь хреново.

Осокин промолчал.

— Домой давно заходил?

— Вчера был.

— Хм...

Федотов взял папку. Закрыв её. Отодвинул в сторону. Разговор о Толстове явно закончился. Начинался другой. Более опасный.

— Гашаков объявился?

Осокин почувствовал, как внутри что-то сжалось. Лицо осталось спокойным.

— Нет.

— Телефон?

— Недоступен.

— Родственники?

— Проверяем.

Федотов кивнул. Медленно. Задумчиво. Будто складывал детали в голове. Потом посмотрел в окно.

— Странно всё это.

Осокин ничего не ответил.

Генерал снова перевёл взгляд на него.

— Может, проблемы какие были?

— Не знаю.

— Ссорились?

— Нет.

— Жалобы?

— Нет.

Федотов вздохнул. Пальцы постучали по столу.

— Хороший был опер.

Осокин посмотрел на него. Слово «был» резануло слух.

Федотов заметил это.

— Ладно. Найдётся, — но в голосе уверенности не было.

Генерал поднялся. Подошёл к окну. Несколько секунд смотрел вниз.

Потом произнёс:

— Хорошо. Давай без сюрпризов.

Осокин кивнул.

— Понял.

Федотов ещё раз посмотрел на него. Будто хотел что-то добавить. Но передумал.

— Свободен.

Осокин развернулся. Пошёл к двери. Рука легла на ручку. В этот момент внутри поднялась мысль. Тяжёлая. Грязная. Та, которую он весь день пытался задавить. Если сейчас рассказать всё. Петрова. Базу данных. Последний запрос Гашакова. Родственную связь. То машина уже запустится. Доклады. Проверки. Розыск. Подозрение. Имя Гашакова появится в служебных документах. Официально. И назад дороги не останется.

Осокин открыл дверь. Вышел в коридор. Дверь закрылась за спиной. Шум отдела снова стал слышен. Кто-то прошёл

мимо. Кто-то засмеялся в дальнем кабинете. Кто-то спорил по телефону. Рабочий вечер.

Осокин медленно пошёл к своему кабинету. Шаги отдавались в пустом коридоре. Он смотрел перед собой. На серый линолеум. На полосы света от окон. На закрытые двери. И думал только об одном. Если он ошибается — предаёт друга. Если не ошибается — друг предал первым. Эта мысль шла рядом. Шаг в шаг. И чем дальше он двигался по коридору, тем меньше оставалось уверенности, какой из двух вариантов страшнее.

Домой Осокин вернулся поздно. Во дворе уже горели фонари. Жёлтый свет ложился на мокрый асфальт. Редкие машины проезжали по улице. Город затихал. Но покоя не было. Он поднялся на свой этаж. Открыл дверь. В квартире встретила тишина. Та самая, к которой он давно привык. Скинул куртку на спинку стула. Прошёл на кухню. Включил чайник. Потом передумал. Выключил. Пить не хотелось. Есть тоже.

Осокин прошёл в комнату. На столе лежали бумаги, которые он привёз из отдела. Распечатки.

Фотографии. Заметки. Среди них лежал старый снимок. Он взял его в руки. Плотная пожелтевшая по краям фотобумага. На снимке стояли сотрудники отдела. Осокин сразу нашёл взглядом себя. Потом Гашакова. Оба улыбались. Редкий случай. Он долго смотрел на фотографию.

Память сама начала вытаскивать старые события.

Первое совместное дело. Смерть спортсмена. Перепуган-

ные свидетели. Версия только одна — внезапная остановка сердца. Гашаков тогда был ещё вспыльчивым, шумным. Постоянно спорил. Мог вспыхнуть из-за любой мелочи. Осокин тогда впервые подумал, что работать вместе будет тяжело. Ошибся. Через несколько месяцев они научились понимать друг друга без слов.

Осокин положил фотографию на стол. Потёр переносицу. И тут вспомнился Егерь. Герасимов. Лес. Трупы. Следы охотника. Запах костров. Мёртвая зона. Именно тогда всё начало меняться. Сначала почти незаметно. Гашаков стал меньше говорить. Чаще молчал на совещаниях. Перестал спорить. Перестал шутить. Всё чаще уходил один. Пропадал после работы. Отвечал коротко. Смотрел куда-то мимо собеседника. Тогда это казалось усталостью. Обычным выгоранием. Такое случалось со многими.

Но теперь Осокин видел другое. Изменения начались именно после дела Егеря. После того как они нашли тело Герасимова. После того как официально поставили точку. Или сделали вид, что поставили.

Он посмотрел на другую бумагу. Распечатка из базы данных лежала рядом. Несколько строк. Никаких эмоций. Никаких выводов. Сухие факты. *Петрова Анна Андреевна. Тридцать четыре года. Подольск. Не замужем.* Далее шла строчка, которая не давала ему покоя весь день. Двоюродный брат — *Гашаков Александр Павлович.*

Осокин снова перечитал её. Потом ещё раз. Будто текст

мог измениться. Не изменился. Он положил лист на стол. Сел в кресло. Посмотрел в окно. Во дворе качались ветки деревьев. Где-то хлопнула дверь машины. В соседнем доме загорелось окно.

Мысль снова вернулась. Тяжёлая. Настойчивая. Это не совпадение. Не бывает таких совпадений. Он произнёс эти слова про себя. Медленно. Раздельно. Толстов убит. Петрова исчезла. Гашаков исчез. Все трое связаны между собой. Слишком много пересечений. Слишком много случайностей в одном месте. А случайности Осокин не любил. За годы службы он усвоил простое правило. Если факты складываются в линию — это уже не случайность. Это чей-то план.

Он потянулся к телефону. Новому служебному смартфону. Аппарат был подключён к внутренним системам полиции Москвы. Большинство запросов можно было сделать прямо из дома. Осокин разблокировал экран. Открыл служебное приложение. Несколько секунд смотрел на строку поиска. Потом ввёл фамилию *Гашаков*. Имя. Отчество.

Система открыла карточку. Стандартные данные. Звание. Стаж. Награды. Место службы. Осокин пролистал ниже. Нашёл нужный раздел. Финансовые операции. Палец завис над экраном. На секунду стало неприятно. Будто он собирался вскрыть чужую дверь. Но выбора уже не было. Он нажал запрос. Система начала обработку. На экране появился значок загрузки. Круг вращался. Секунда. Вторая. Третья. Осокин смотрел не отрываясь. Потом экран мигнул. Появилось

новое окно. Несколько строк. Коротких. Безжалостных. *Доступ ограничен. Требуется разрешение руководителя.*

Осокин замер. Несколько секунд смотрел на сообщение. Потом медленно откинулся на спинку кресла. Конечно. Иначе быть не могло. Финансовые данные сотрудника такого уровня автоматически закрывались дополнительной защитой. Особенно если речь шла о действующем офицере полиции.

Он выключил экран. Положил телефон рядом с распечаткой.

Слишком много вопросов.

Осокин посмотрел на снимок отдела. На улыбающегося Гашакова. На самого себя рядом. Потом перевёл взгляд на погасший экран смартфона. И впервые подумал о том, что следующий шаг потребует разрешения Федотова. А значит, подозрение перестанет быть личным. Оно станет официальным.

За размышлениями капитан не сразу заметил, что квартира погрузилась в темноту.

Осокин выключил свет и остался сидеть за столом. Лампа погасла. Экран телефона тоже. Только из окна тянулся слабый свет ночного города. Он ложился на край стола. На бумаги. На его руки. В комнате стало настолько тихо, что слышалось тиканье настенных часов в коридоре. Каждый удар отдавался где-то внутри.

Осокин не двигался. Сидел прямо. Локти лежали на столе.

Пальцы были сцеплены в замок. За окном проехала машина. По потолку скользнула полоска света от фар. Потом исчезла. Снова осталась только темнота. В стекле отражалось его лицо. Осунувшееся. С глубокими тенями под глазами. Последние дни оставили след. Слишком много событий за короткое время. Слишком мало ответов.

Осокин провёл ладонью по лицу. Усталость накрывала волнами. Но сна не было. Голова работала слишком быстро. Мысли цеплялись одна за другую. Он вспомнил квартиру Гашакова. Бутылку на кухне. Два стакана. Следы помады. Пустой конверт. Сгоревший угол фотографии. Лист бумаги. *Не ищи*. Гашаков не исчез в панике. Не бежал. Не скрывался наугад. Он подготовился. Продумал всё заранее. Оставил минимум следов. Забрал документы. Почистил квартиру. Выключил телефон. Даже ключи оставил в отделе. Словно заранее знал, кто придёт первым.

Осокин закрыл глаза. Темнота стала плотнее. Перед внутренним взглядом возникли десятки эпизодов. Коридоры отдела. Ночные выезды. Совместные операции. Лес. Дело Егера. Молчание последних дней. Всё перемешалось. Слилось в один длинный след. След, который вёл только к одному человеку.

Осокин сидел неподвижно. Минуту. Другую. Третью. Потом тихо выдохнул. И впервые за весь день позволил себе произнести это вслух. Без свидетелей. Без начальства. Без протоколов. Только для себя:

— Какая-то херня, Саня... просто херня...

Голос прозвучал тихо. Почти шёпотом. И сразу растворился в квартире. Ответа не было. Только часы продолжали отсчитывать секунды.

Осокин снова открыл глаза. Посмотрел на фотографию. На карточку. На папку. Три предмета. Три направления. Одна история. Он понимал, что утром всё останется на своих местах. Но сам он уже изменился. Вчера Гашаков был пропавшим напарником. Сегодня стал частью расследования. Именно это меняло всё.

За окном постепенно стихал город. Гасли окна соседних домов. Уходили последние машины. Ночь становилась глубже. Осокин сидел в темноте и смотрел на стол. Не двигаясь. Не отворачиваясь. Где-то впереди начиналась новая линия дела. И впервые за много лет ему предстояло искать не преступника. Ему предстояло искать друга. Если тот ещё оставался другом.

Темнота молчала.

Тишина давила на стены.

Осокин открыл глаза в темноте. Несколько секунд лежал неподвижно. Смотрел в потолок. Слушал тишину квартиры. Будильник молчал. Сна почти не было. Только короткие провалы между мыслями. Стоило закрыть глаза — перед ним снова появлялись фотографии, схемы и фамилии. Один и тот же круг. Одна и та же цепочка.

Он поднялся с кровати. Умылся холодной водой. Побрился. Собрался. Всё по привычке. Без лишних движений. Через час он уже сидел в кабинете. За окном только начинался рабочий день. Во дворе отдела хлопали двери машин. Кто-то курил возле входа. Кто-то спешил на утреннюю раскомандировку.

На столе со вчерашнего дня ничего не изменилось: фотографии, протоколы, распечатки из баз данных, заключения экспертов, карточка Анны Петровой, лист с надписью «*Не ищи*». Бумаги занимали почти весь стол. Словно отдельное расследование выросло внутри другого. Доска с фотографиями выглядела как чужая карта боевых действий.

Осокин сидел за столом. Листал документы. Потом возвращался к уже прочитанным страницам. Снова перечитывал фамилии. Снова проверял даты. Искал ошибку. Любую. Хотя бы одну. Ошибку системы. Неточность в документах. Неверную запись. Совпадение. Что угодно.

Но ничего не находил.

Факты оставались прежними. Он взял карточку Петровой. Посмотрел на строку с родственниками. Задержал взгляд. Потом отложил лист. Потёр глаза. Снова посмотрел. Будто текст мог измениться.

Не изменился.

Осокин откинулся на спинку кресла. Посмотрел в потолок. Несколько секунд сидел так. Потом медленно выдохнул.

— Саня, ты же честный мент, хоть и с придурью... Это совпадение. Должно быть совпадение...

Слова прозвучали шёпотом. Будто он боялся услышать ответ. Но ответ всё равно появился. Не вслух. Где-то внутри. Короткий. Жёсткий. Нет.

Осокин закрыл глаза. Память начала подбрасывать старые эпизоды. Сначала незначительные. Такие, которым раньше не придавал значения. Теперь каждая мелочь выглядела иначе. Как деталь механизма.

Он поднялся из кресла. Подошёл к доске. В центре висела фотография Толстова. Рядом — карточка Петровой. Ниже — копии банковских документов. Осокин долго смотрел на них. Видел закономерность. Именно это сейчас мешало ему жить. Любой другой следователь уже начал бы разрабатывать версию. Любой другой уже написал бы рапорт. Любой другой действовал бы по инструкции. Но здесь был не любой другой. Здесь был напарник.

Осокин вернулся к столу.

Открыл папку по Толстову. Пролистал документы. Остановился на заключении экспертов. Потом взял фотографии квартиры. Тело у стены. Аккуратное пятно крови. Отсутствие следов борьбы. Никаких отпечатков. Никаких зацепок. Слишком чисто. Он смотрел на снимки долго. Потом вдруг понял, что уже видел подобное. Не место преступления. Подход. Кто-то действовал спокойно. Без суеты. Без ошибок. С холодной головой. Так работали профессионалы. Или полицейские.

Эта мысль ему не понравилась. Совсем.

Он отложил фотографии.

Взял лист бумаги. Попытался записать альтернативные версии. Петрова могла использовать родственника. Гашаков мог ничего не знать. Кто-то мог воспользоваться его именем. Данные могли быть подделаны. Версий хватало. Но каждая из них рассыпалась после нескольких вопросов. Осокин перечеркнул написанное. Скомкал лист. Бросил в корзину. Попал только со второго раза.

За стеной кто-то разговаривал. Прозвенел телефон. Скрипнула дверь в коридоре. Привычные звуки отдела. Сейчас они словно доносились из другого мира.

Осокин посмотрел на часы. Начало девятого. Рабочий день только начался. А он чувствовал себя так, будто не спал неделю. В дверь постучали. Он поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.